

The background of the cover is an abstract painting. In the upper right corner, there is a large, stylized face with dark, hollow eyes and a slightly open mouth, rendered in shades of blue, green, and yellow. Below this face, the background transitions into a lighter, more textured area with white and light blue brushstrokes. In the lower left corner, there is a smaller, more abstract figure that appears to be looking upwards, also rendered in similar colors. The overall style is expressive and somewhat somber.

АРИАДНА БОРИСОВА

Змеев столб

«Эта книга о любви, редкостной, героической и жертвенной. Но уникальность этой истории — в раскопке глубоких слоев памяти. Роман Ариадны Борисовой продолжает традиции Гроссмана, Солженицына, Шаламова...»

Людмила Улицкая

Ариадна Борисова
Змеев столб

«ЭКСМО»

2013

Борисова А. В.

Змеев столб / А. В. Борисова — «Эксмо», 2013

К позорному столбу приковывали осужденных. Герои романа – еврейский парень Хаим и русская девушка Мария – осуждены без вины. Только из-за происхождения их репрессируют и ссылают из Литвы на острова смерти. Сохранить любовь и человечность там практически невозможно. Но именно эти качества и придают молодым людям силы, именно они помогают выжить.

© Борисова А. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие к роману	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	35
Глава 9	42
Глава 10	47
Глава 11	50
Глава 12	53
Глава 13	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ариадна Борисова

Змеев столб

© Борисова А., текст, 2013

© Улицкая Л., вступительная статья, 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Предисловие к роману

Роман – история любви. Любви сильной, редкостной, героической и жертвенной. Но уникальность этой любовной истории заключается не в ней самой. Мало ли написано в мире книг о великой и жертвенной любви? И о разрушительном, уничтожающем мир любовном пламени, и о мстительной, сжигающей страсти, и о самоубийстве на почве любви, и об убийстве изменника... Словом, добавить что-то новое очень трудно. Ариадне Борисовой это удалось – нашла она особые краски, и особые характеры, и особые обстоятельства. Мир довоенной Литвы, в котором разворачивается любовная история Хаима Готлиба, выходца из богатого торгово-ремесленного еврейства, первого в семье, получившего хорошее образование в Германии, и русской дворянки-сироты, воспитанной в детском приюте при православной церкви, мало знаком российскому читателю. Канун Второй мировой войны – не лучшее время для мирной и счастливой семейной жизни. Молодая пара выдерживает жестокие испытания времени – конфликт с близкими, оккупация Литвы сначала советскими войсками, потом фашистскими, потеря ребенка, арест и высылка, гибель семьи, адские годы в якутских лагерях, – и они выживают. Можно было бы сказать – благодаря любви. Но это будет ложью. Скорее это не милость судьбы, а теория больших чисел: миллионы погибли, таких же любящих, таких же преданных друг другу, а этим повезло.

Новизна этого произведения, существующего, по всей видимости, на грани подлинных семейных воспоминаний и писательской достаточно простой конструкторской работы, именно в раскопке глубоких слоев памяти, восстановления жестокой картины жизни людей в сталинских лагерях. Фон происходящего делает чрезвычайно значительными отношения любящей пары. За несколько таблеток красного стрептоцида, необходимых для больной жены, Хаим Готлиб готов заплатить жизнью, и только чудом ему удастся избежать смертельного наказания за вынужденную кражу. У жизни нет такого закона, по которому хорошие и добрые вознаграждаются, а злым и жадным выдается наказание, соразмерное преступлению. Но любой читатель в глубине души жаждет этой сказки: пусть добро восторжествует, пусть беззаветная любовь сияет, а зло развееется...

Именно так и заканчивается роман. Но главная его ценность – не в этом! Как известно, историю Отечественной войны 1812 года мы узнаем из романа «Война и мир» Толстого, а не из работ военных историков, которые, к слову сказать, сильно критиковали Льва Николаевича за неточности в описании военных действий. Точно таким же образом недавняя история нашего народа отражена гораздо лучше не в исторических исследованиях, а в произведениях писателей-современников – Василия Гроссмана, Александра Солженицына, Варлама Шаламова. Восстановление памяти поколения – одна из высших задач писателя. И роман Ариадны Борисовой – бесхитростный, трогательный, убедительный – продолжает эту великую традицию.

Людмила Улицкая

Часть первая Адамово яблоко

Глава 1 Младший сын всегда чужак

Семейную торгово-промышленную компанию возглавлял старый Ицхак Готлиб, чья фамилия стояла в списке попечительского комитета клайпедской общины немецких евреев. Из скромного лавочника он незаметно превратился в солидного дельца и никогда не выставлял напоказ своего богатства, зная, как трудно сберечь имущество, нажитое трудом – честным трудом, хотя и не без некоторого авантюризма. Впрочем, казалось, деньги сами стаями слетаются к нему, словно птицы на жердочку дрессировщика, такой естественной способностью приручать их он обладал. Деревообрабатывающая фирма процветала. Коммерческий нюх старого Ицхака с невероятной точностью подсказывал ему лучшее время сбыта продукции и пределы покупательских возможностей. В отличие от многих, хозяйство не претерпело больших убытков даже тогда, когда Неман из-за польской экспансии закрывался для поставок леса из России. В середине 30-х внешние партнеры прервали связи со многими литовскими торговыми обществами, но компания Готлибов удержалась на плаву. Сметоновское¹ правительство увеличило квоты на сбыт казенного дерева, подписало прерванное соглашение о ввозе сырья с советской стороны, и старому Ицхаку удалось заключить в Европе выгодные сделки по строевому фабрику, принесшие семейству недурственный доход.

К городу-порту давно вернулось древнее куршское² название – Клайпеда. Между тем, на картах экс-хозяйки Германии он по-прежнему значился как Memelland³ и остался типично прусским. Снисходительно мирясь с властью Каунаса⁴, мемельцы по-прежнему считали свою родину предместьем фатерлянда.

На морском перекрестке военно-торговых путей всегда было тревожно, но банкротство, ущерб и пожары обходили дом старого Ицхака, точно он был заговоренным. Прадед выстроил это трехэтажное здание в обычном для здешних мест стиле фахверк близ устья Дане еще в начале девятнадцатого века после эдикта, снявшего запрет на еврейское гражданство в Мемельском крае.

Особняк стоял в начале двора, выложенного стертым до гладкости булыжником. Летом с нового мезонина ниспадали, мягко колышась на ветру, юбки дикого винограда. Пышный зеленый подол украшала пестрая кайма из многолетних цветов. На просторных задворках, как смежное государство с отдельными воротами, выходящими на другую улицу, жили вечно хлопотливой жизнью кухня с подсобкой, флигель для прислуги, кладовые, мастерская и гараж. Службы отгораживал от дома вытянутый в ширину яблоневоый сад с нарядной беседкой, где любили играть сначала дети, а теперь – внуки.

¹ Сметона Антанас (1874–1944) – государственный деятель, один из идеологов литовского нацизма, президент Литовской Республики (1926–1940).

² Курши – древнее племя, населявшее побережье Балтийского моря. Как отдельная этническая группа упоминается до конца XVI века.

³ До того, как снова стать Клайпедой, город семь веков носил название Мемель (по немецкому названию реки Неман).

⁴ В 1919 году по Версальскому договору Мемельский край был отторгнут от Германии. В 1923-м, после захвата края Литвой, Лига Наций согласилась передать его Литовской Республике, оговорив предоставление автономии. Каунас в то время был столицей Литвы.

Старый Ицхак был счастлив детьми. Трое старших сыновей, получив приличное образование, обзавелись семьями и трудились на благо фамильного дела. Из Лейпцига только что вернулся с университетским дипломом младший, любимец отца Хаим. Единственная дочь Сара, последыш почтенных родителей, посещала прогрессивную светскую школу.

Хозяин, будучи человеком набожным, все же не вступал в противоречия с передовыми велениями времени, но его жена придерживалась более суровых взглядов. Родом из ортодоксальной семьи, Генедел Рахиль Готлиб, или матушка Гене, как звали ее домочадцы, строго следила за порядком и соблюдением основных обрядов и заповедей Торы. Прислуга после трудов с трепетом ожидала оценки госпожи, а невестки были обязаны еженедельно отчитываться перед свекровью во внутриклановых радостях и проступках. Под ее прицельным взором чувствовали себя виноватыми и те, кто не заметил огрехов. В этом обособленном мирке, где хозяйка была одновременно светочем и тираном, царили безукоризненная чистота, открытость и щепетильность во всем.

Матушка Гене с полным правом гордилась послушанием и способностями сыновей. Но получилось так, что младший нарушил патриархальные обычаи дома. Переломным событием к неожиданному заявлению Хаима стало исполнение сольной партии в студенческом хоре на краевом клайпедском празднике. Жюри конкурса провозгласило коллектив лучшим, и в тот же вечер молодой человек высказал на семейном ужине желание соединить свое будущее с артистической карьерой.

Матушка была вынуждена признаться себе, что младший сын всегда отличался от братьев ветреным нравом. К его рождению старый Ицхак накопил основную часть капитала и стал больше времени уделять семье, но старшие мальчики успели вырасти, и вся его нерастраченная родительская энергия обрушилась на Хаима. Благодаря эстетическим пристрастиям отца, страстного меломана в молодости, сын был взращен на немецкой исполнительской культуре и окончил музыкальную школу. Из всех детей именно он унаследовал приятный отцовский голос, лирический баритон с шелковистой теноровой ноткой, приводивший в восхищение многих. Матушка Гене втайне удивлялась: по ее убеждению, такой голос хорош был для кабака, где людям все равно, баритон, тенор или серединка на половинку, а никак не для театральной сцены.

Горестные размышления уверили женщину, что в легкомыслии сына виновато, кроме попустительства мужа, неофициальное «просвещение», полученное Хаимом в Лейпциге на вредных студенческих собраниях, где хитроумные ораторы, нанятые реакционными партиями, забивали головы молодым искаженными понятиями о жизни и устройстве мира. Матушка Гене прекрасно знала, кто виновен в международном политическом разброде и спаде экономики. Это социалисты всех мастей руководили забастовками рабочих и разоряли хуторян. А потом, распродав земли и скот, крестьяне сидели на баулах по всей Литве, ждали на вокзалах вербовщиков на плантации Южной Америки, – потому и стали случаться перебои с мясом и молочными продуктами в кошерных магазинах... Но хуже всего, что повсюду в моду вошел культ порочной богемы и, как следствие, падение устоев семьи и безбожие.

Генедел Рахиль старалась не показывать тревоги на людях, но наедине с собой, чувствуя себя парализованной угрозой хаоса, внесенного сыном в трудно созданное ею домашнее равновесие, билась и плакала. Хаим! Хаим совсем отбил от рук! Того и гляди перестанет молиться, начнет брить виски и поедать трейфу!⁵

– Ах, Ицек, выходит, не зря даже в сказках говорится, что младшие сыновья всегда чудачки, если не сказать хуже! Неужели мы столько лет учили сына для того, чтобы он пел оперетки? – кинулась женщина к мужу за сочувствием и утешением.

– У Хаима красивый голос, – не очень твердо возразил супруг.

⁵ Трейфа – запрещенная Торой некошерная пища.

– О да, как не поверить восторгам толпы! – съязвила матушка, мгновенно переходя от отчаяния к гневу.

– Жюри конкурса было профессиональным.

– За свои деньги ты мог бы солировать с тем же успехом!

В организацию праздника была вложена некоторая толика пожертвований от компании Готлибов.

– Мы поддержали устроителей и в прошлый раз. Не мог же я отказать просьбам только потому, что в нынешнем конкурсе участвовал мой сын, – рассердился старый Ицхак. – И вспомни, что не Хаим, а хор заслужил признание.

– А ты вспомни себя, Ицек, вспомни себя! Ты ведь почему-то послушал родителей, не пошел в вокалисты! И разве не преуспел? Или мало работаешь вместе с мальчиками, мало всем помогаешь и не пользуешься уважением? Что по сравнению с этим так называемое «призвание» Хаима? Может, он не сумеет заработать себе и на кусок хлеба! А сплетни, Ицек? Сплетни тебя не волнуют? Знакомые непременно осудят нашего сына, а заодно и нас за то, что мы потакаем его капризам! Люди просто будут смеяться над нами! Ох, и распрекрасное же, скажут, занятие для мальчика из приличного дома! Окончил экономический факультет, чтобы распевать песенки в концертах!

– Ну что ты заладила – «песенки», «оперетки», – урезонивал старый Ицхак, пытаясь привести какие-то доводы в защиту выбора сына, но уговоры только распалили матушку Гене. Она бегала по комнате, заламывая руки, и свистящим от ярости шепотом призывала мужа образумить «глупого мальчишку».

– Искусство только называется изящным, а на самом деле коварно, богомерзко, безнравственно! Лицедейство ведет к пороку и пьянству! Я не удивлюсь, если из-за твоего потворства Хаим станет социалистом и отречется от нас!

Матушка роняла горькие слова, подсказанные страхом сердца, которые обычно придерживала в себе. Ей уже начинало казаться, что сын пал на дно жизни, где нет места порядочным людям.

– Гене, ты преувеличиваешь, – с раздражением прервал старый Ицхак. – В консерватории его научат петь для избранной публики.

– Где-е?!

– Да, прости, я забыл сказать: он мечтает поступить в Каунасскую консерваторию...

– Таланту нигде не учат, – отрезала взбешенная матушка, не заметив в запале, что дверь приоткрыта, и в щели поблескивают блестящие от любопытства глаза дочери.

Избалованная общим вниманием и любовью, двенадцатилетняя Сара благочестием не отличалась. Без всяких укоров совести подслушав ссору, девочка тотчас побежала искать Хаима. Она любила его больше, чем старших братьев, за веселый нрав и готовность к проказам. В юном своем эгоизме Сара старалась припомнить родительский разговор слово за словом, не замечая в них опасности. Ее больше занимало, как смешно матушка Гене таращила глаза и вертела руками.

Брат лежал в беседке на скамейке с томом Келлермана⁶ в правой руке и бутербродом в левой. Незаметно подкравшись, Сара просунула ладонь в решетку беседки и собралась было выдернуть бутерброд, но Хаим оказался проворнее и ухватил шалунью за высунувшийся кончик косы:

– Караул! Держи вора!

⁶ Бернгард Келлерман – немецкий писатель (1879–1951), автор романов, призывающих к демократическому преобразованию.

– Смотри, книгу маслом измажешь, – засмеялась Сара и заговорщицки прищурилась, входя в беседку. – Ни за что не угадаешь, что я сейчас слышала!

Хаим сел, сложив по-турецки ноги, и грозно уставился на сестрицу:

– Рассказывай, о лунолика, иначе верные мои визири отрубят твой любопытный нос и твои длинные уши!

Актерский этюд Сары был не лишен забавного сходства с характерными манерами родителей, но ожидания девочки не оправдались. Зритель не восхитился по обыкновению, и благодарных аплодисментов она не дождалась. Сконфуженная, она вдруг поняла, что слова матери, а особенно вынесенный ею вердикт тяжело задела брата.

Сара попробовала исправить свое неделикатное вторжение в ту область, к которой он, оказывается, относился слишком серьезно.

– Хаим, ну, Хаим, – потянула она его за рукав и капризно надула губы. – Не обижайся! Матушка Гене просто не хочет, чтобы ты поступил в консерваторию, поэтому так злится. Никто же не сомневается в твоём таланте! На празднике ты пел лучше всех, люди только о тебе говорили...

– Кто, например? – насторожился он.

– Один незнакомый человек, на вид учитель, – не моргнув глазом, соврала Сара, в ужасе соображая, как далеко зашла. – Или музыкант... Да-да, скорее всего, музыкант!

– Что он сказал?

– Ну-у... Я не очень хорошо помню... Кажется, о том, что тебе с таким замечательным голосом пора записаться в оперную студию.

– В какую еще оперную?

– Частную. Ее открыли при драмтеатре.

Сара перевела дух и похвалила себя за привычку читать случайные объявления. Под репертуарной афишкой ей вчера очень кстати встретилась информация о наборе студийцев с начальной музыкальной подготовкой.

Откинувшись на спинку скамьи, Хаим задумчиво посвистел, и черные, блестящие, как у сестры, глаза его оживились. Сара с облегчением убедилась, что настроение брата улучшилось.

– М-да, проказница ты этакая. Хочешь мне помочь?

– Конечно!

– Скажи матушке, будто я туда уже записался.

– А ты запишешься?

– Обязательно.

Неугомонная Сара тут же представила, что из этого может получиться. Заранее веря в триумф Хаима, в восторге от собственной хитрости и счастливого разрешения щекотливой ситуации, она зачастила:

– И ты станешь репетировать с другими певцами? А оркестр там есть? А если нет, то как без оркестра? Что вы поставите?

– Пока не знаю, – буркнул он.

– «Тристана и Изольду»! – запрыгала девочка, хлопая в ладоши. – Пожалуйста, пожалуйста, ладно?!

Несколько лет назад они в Лейпциге вместе слушали эту оперу в постановке дрезденской гастрольной труппы.

– Когда-нибудь потом, – уклонился он и вспомнил, как глубоко переживала впечатлительная сестренка рассказанную в музыке трагедию любви и смерти.

Сара зажмурилась, в избытке чувств прижав руки к груди:

– О, я вижу тебя в роли Тристана, Хаим! В длинной накидке, с мечом в руке, ты такой красивый! Хаим, ты непременно попадешь в лучший состав!

– Тристан – это тенор, Сара, а моему баритону больше подойдет Курвенал.

– Оруженосец? – фыркнула девочка. – Но ты же сам говорил, что будешь универсальным певцом!

– Ну, может, буду...

Хаим смущенно хмыкнул. Ему, оскорбленному неверием матери в его певческий дар, тоже очень хотелось так думать.

Как было обещано, Сара торжественно передала родителям радостную новость и, несмотря на то что сообщение опережало действительность, дала волю разыгравшемуся воображению. Руководители студии, по ее словам, вроде бы сочли брата восходящей оперной звездой. «Вроде бы» не позволяло, в случае чего, уличить ее во вранье: вроде бы – да, вроде бы – нет...

Маленькая лгунья рассчитала верно: матушка отнеслась к лукавому слову без внимания – ее огорошил очередной успех сына. Строптивость Хаима оказалась сильнее домашней оппозиции и вызвала невольное уважение.

Матушка Гене сдалась. «Ицек, пожалуй, прав, – сломленно вздыхая, размышляла она теперь. – Нет ничего зазорного в творческой профессии. Все зависит от человека, а опера – самый благородный вид из всех сомнительных видов искусств... Если у мальчика дар, нельзя наступать на горло песне».

Сын отправился в Каунасскую консерваторию на подготовительные экзаменационные курсы.

Глава 2

Королева Мария

В Каунасе Хаим проиграл матушке. Проиграл тем бесславнее, что так слепо и самолюбленно сопротивлялся очевидной правде. Истина открылась перед ним со всей беспощадностью, когда он услышал подлинно талантливое пение одного из поступающих. Чувствуя себя нелепым экспонатом на выставке удачи, Хаим не стал дожидаться экзаменов. Насмешливая Мельпомена показала язык, и полные сладкого самообмана мечты облетели, как осенние листья в бурю. Подавленный, будто в легком рюкзаке за его плечами лежали не пара белья и книги, а тяжкое бремя чужого успеха, отвергнутый искусством, он плелся домой от вокзала.

Возле кинотеатра Хаим задержался у рекламной тумбы с анонсом фильма «Королева Кристина». Прекрасная Грета Гарбо смотрела с афиши вдаль, возложив руки в кожаных перчатках с широкими раструбами на что-то вроде корабельного шкива. Для пущего эффекта небрежный художник ярко подмалевал отвороты мужского плаща и пряди стриженных «под отрока» волос. Но мраморно-белое лицо неряшливая ретушь не тронула. Прямо на зрителя смотрели глаза цвета глубокой морской волны. Не зная о том, что этот юнга – женщина, можно было принять ее за мальчишку.

Подростком Хаим хранил в ящике своего письменного стола открытку с фотографией актрисы. В театральном наряде, с аппликациями из лама и россыпью хрустальных зерен на лифе, она казалась эталоном царственной женственности. Позже открытка исчезла, и Хаим забыл о ней. А теперь вдруг живо вспомнились ночная таинственность глаз, четкий контур рта и безупречная, как амфора в тени, но по-детски незащитная линия шеи. Такой же бесконечно нежной и женственной, вопреки грубым страстям жестокого века, когда-то грезилась ему исландская принцесса Изольда.

Хаим еще в Лейпциге видел ленты с Гарбо: «Дикие орхидеи», «Любовь», «Мата Хари» и дважды – «Гранд-отель». Читал в немецких газетах о «загадочном сфинксе», как называли эту голливудскую диву. Ее скрытая от публики жизнь интриговала прессу, а красота сводила с ума многочисленных обожателей. Он не причислял себя к числу поклонников прелестной шведки. В фильмах она выглядела гибкой и нежной, но Хаим сообразил, что изящная хрупкость актрисы, скорее, создана мастерством оператора. А в жизни Грета явно была статная, сильная, как пышущая здоровьем деревенская красавица. Хаиму, ростом чуть выше мужского среднего, крупные женщины не нравились. Сам не взялся бы объяснить себе, почему она его так тревожит.

Двери кинотеатра медленно заглатывали хвост нарядной очереди. В предзакатных лучах лоснились обтянутые шелком дамские плечи, рдели подкрашенные улыбки, колыхался на легком ветру обесцвеченный перманент... А чуть в стороне у витрины, разглядывая дагеротипы за стеклом, одиноко стояла странная девушка. То есть она не выглядела бы странной где-нибудь в гимназии или университете. Но здесь, на фоне расфранченной толпы, одетая в серое ученическое платье, она напоминала воробышка, залетевшего в стаю райских птиц. Единственным украшением была синяя лента, перехватившая пышные рыжие волосы.

Молодой человек ощутил нечто похожее на дежавю. Он мог бы поклясться, что знал эту девушку раньше, и в то же время был уверен: ему никогда не приходилось ее видеть. Захотелось заглянуть ей в лицо, проверить. Изобразив скучающего прохожего, Хаим подошел и тоже прильнул к витрине с фотокадрами из обещанной анонсом «роскошной исторической драмы», снятой пять лет назад. Скользнул рассеянным взглядом по Гарбо, восходящей к трону, Гарбо с Джоном Гилбертом, Гарбо на капитанском мостике...

Но Гарбо не волновала Хаима. Приводила в смятение та, что стояла рядом. От близости девушки его сковала странная оторопь. Ошеломленный силой притяжения, вспыхнувшей

в нем внезапно и по-мужски остро, он не смел повернуть голову. Казалось, тело только что проснулось и звонко, упруго возносится вверх, вслед за колотящимся у горла сердцем. Руки изнемогали от желания повторить изгиб девичьей спины, ладони стремились к встречному движению, живому теплу...

Она что-то почувствовала, отодвинулась, отстранилась. Он не успел поймать отражение ее лица в вечернем стекле.

Сейчас уйдет! Как задержать? Представиться или без всяких вступлений обратиться с вопросом? О фильме, например? Щеки тотчас опалило жаром, виски взмокли... в какой из карманов он сунул чертов платок?!

– Извините, вы «Крестину» смотрите...

Она обернулась, – в повороте головы чувствовалась досада. Хаим едва подавил изумленный возглас и замер. Это была Грета Гарбо!

...И не она.

Словно небесный ваятель вылепил лица знаменитой актрисы и неизвестной девушки с одной калки, но черты девушки смягчил, окрасил кожу нежно, с тонкими переходами перламутровых полутонов, пощадив от веснушек, которыми обычно помечены рыжие. Безусловного сходства все же не было, только морские глаза с сумеречной синевой в глубине художник не стал менять. Наверное, девушка сравнивала себя с фотографиями Греты, поэтому изучала их так внимательно.

– Нет, – сказала она.

Читает мысли? Готовый поверить в любые мистические верования, он не сразу понял, что знакомая незнакомка ответила на его скомканный вопрос. Голос ее ничуть не напоминал вкрадчивое контральто Гарбо. Голос был, скорее, детским.

Хаим кашлянул, пытаясь сбить щекочущую горло хрипотцу, и снова проканителится – девушка зашагала к аллее. Он крикнул ее уходящей спине, в солнечное руно волос:

– Вы на нее похожи!

Она обернулась и смешливо вздернула брови:

– На кого?

– На королеву... из фильма.

– А я думала, мне показалось, – сказала она, пряча смущение за улыбкой.

– Разве вам никто не говорил?

– Говорили. Но я ее еще не видела. Эту актрису.

– Фильм начнется через минуту. Могу ли я надеяться... Если в кассе еще остались билеты и если вы согласитесь... – он не договорил, захваченный мучительной робостью.

Не дождавшись продолжения, она решительно кивнула, словно отважилась на что-то невероятное.

Ему не было никакого дела до маленькой принцессы Кристины и погибшего в битве короля, его вообще не интересовало то, что происходило на экране. Вместо лица Греты Гарбо перед глазами вставало другое, и он представлял себе, с какой сострадательной причастностью отражаются на этом лице смены незатейливого сюжета.

Обостренный слух ловил тихое дыхание, близость теплых локтей и коленей бросала в стыдный трепет. В какой-то момент он нечаянно задел ее руку, и словно разряд нежного тока прокатился по телу. А позже вороватая игра мельчайших движений, о которой девушка не подозревала, завладела им целиком. Все ощущения сосредоточились в постижении слепого мира касаний, чуткого, как оголенный нерв.

В финале неожиданно огромно возникла сцена с афиши – королева на корабле. Трагичное, неподвижное лицо заставило сжаться от внезапного открытия: сам властитель судеб подташовал колоду случайностей. Хаим вдруг ясно осознал то, что догадкой бродило на перифе-

рии сознания, о чем давно знала какая-то часть его существа. Портреты актрисы беспокоили и манили его потому, что он должен был встретить *свою* Грету.

На улице после сеанса Хаим запоздало представился и рискнул пожать ее тонкие пальцы. Девушка их отдернула, но все-таки ответила:

– Мария.

Она не позволила проводить себя дальше середины аллеи. Невозмутимое «ауфвидерзеен», и ее фигурка, как тонкая свечка, растаяла в не успевших остыть сумерках. Хаим постоял бездумно, потерянно, и не выдержал.

Ему еще не приходилось за кем-нибудь следить. Окрыленный смутной надеждой, он бесконечно долго передвигался на цыпочках, балансируя впотьмах руками там, куда еле проникали жидкие лучи фонарей, бесшумно перелетал от дерева к дереву, как танцующий весенний журавль. Но вот скрипнула калитка, и подошвы туфель прошелестели по ступеням крыльца.

Путь Хаиму преградил палисадник. Несуразное здание с пристройками разной величины под соединенной скатами крышей вырисовывалось в синем бархате неба, будто небрежно склеенный из отдельных фрагментов макет черного судна. Рядом мрачными айсбергами возвышались громоздкие склады.

С краю сооружения приглушенно затеплился квадрат окна с задернутыми занавесками, и невнятные тени пробежали по бледному ковру отброшенного на землю света. В голову полезли сумасшедшие мысли. А что, если прокрасться по кромке дорожки к боковому строеньицу – может, в занавесках осталась щель? Разок глянуть, как рыжие кольца волос рассыпаются по белой подушке...

Свет потух, и Хаим пришел в себя. Зацепился рукавом за продолговатую металлическую табличку на калитке. Прежде чем нащупать выпуклую гравировку распятия, он вспомнил этот дом и улицу. Облазив мальчишкой весь город, он знал, что боковушки здесь жилые, а в основной хранилище проходят церковные службы маленькой православной общины.

Глава 3

Все фениксы рождаются из пепла

До дома Хаим добрался ночью.

– Я, – откликнулся на заполошный голос и повторил громче: – Я, я, – точно все другие слова исчезли из обихода. Потом, ежась перед матушкой, как нашкодивший сорванец, расстреливал кафельный пол кухни короткими очередями ответов:

- Да.
- Уже не поеду.
- Об этом потом.
- В кино.
- «Королева Кристина».
- Ходил по городу.
- Нет.
- Просто так.

Всклоченный спросонья, отец уселся напротив. Сын вкратце изложил, почему не остался в Каунасе. Ему не поверили. Он говорил отрывисто, сбивчиво, словно измученный лихорадкой больной, чувствуя раздражающее бессилие перед непрошибаемой тупостью родителей. Они были не в состоянии понять!

Хаим не мог объяснить, что время его беспечности отлиняло и оборвалось, ушло в почву отставных мыслей глубоко, безвозвратно, из-за вызванного памятью воспоминания, не им самим в нее вложенного, но им пережитого. Несбыточные мечты о сцене казались вздором, не стоящим упоминания, а значит, и стыда. Эти облетевшие листья остались позади, и Хаим не оглядывался. Новая жизнь бурлила и переливалась в нем. До краев наполненный ее радужными обещаниями, он не замечал горечи на лице старого Ицхака, не слышал в словах матушки Гене упрека и плохо скрытого торжества.

Родители, наконец, прекратили допрос непутевого отпрыска. Дом стих.

Прежде Хаим не ощущал такого беспредельного одиночества. Теперь он знал, что больше не уснет спокойно, пока рядом с ним во всей безграничности чудесных слепых касаний... нет, в объятиях! – пока в его объятиях не окажется рыжая девушка с глазами цвета моря. Королева Мария. Его королева...

Он усмехнулся в черную пасть потолка. Пролистнув загруженные учебой годы, так и не вспомнил, когда в последний раз на него нисходил приступ лирического настроения. С некоторых пор, вплоть до этого дня он считал, что близость между мужчиной и женщиной сильно приукрашена поэтами, для которых любовь – аллегория, вспомогательная муза, чей образ складывается из тысяч мелких метафор. На самом деле настоящее чувство, как подлинный талант, помечало лишь единицы и не стоило грез.

Хаим не был девственником. Сложно сохранить невинность в свободной студенческой среде. В Лейпциге он прошел обычные для молодого человека стадии интереса, увлечения, влюбленности и – разочарования, что охладило его юношескую склонность к Вертеровым страданиям⁷. Позже случились три беглые связи. Женщины возникали в его жизни как времена года. С одной он встречался весной – тогда на деревьях распускались почки, другая явилась с летним зноем, третья – со снегом. Их мотыльковое согласие слетало с губ невесомо, ничего не требовало и ни к чему не обязывало. С ними Хаим испытал сложное чувство физиологического облегчения, смешанное с бунтарским противоречием укладу семьи.

⁷ «Страдания юного Вертера» – эпистолярный роман И. Гёте о безответной любви.

В семействе Готлибов осуждался даже невинный флирт, а о постигшей кого-нибудь страсти говорили как о дурной болезни. К поэтическим изыскам матушка Гене относилась с пренебрежением, полагая их эмоциональным выбросом невоздержанных умов. Она понимала любовь как освященное небесами частное владение, и только такая любовь, по ее мнению, имела высокий статус.

Жен братьям матушка выбирала сама, сообразуясь с их вкусами. Едва в повзрослевшем «мальчике» проявлялись ярко выраженные матримониальные томления, в доме начиналась гостевая страда. Иногда родители и сами выходили в гости, прихватывая с собой созревшего к женитьбе сына, но чаще отовсюду возникали матушкины приятельницы и знакомые, хозяйки почтенных еврейских семейств с дочерьми на выданье, скромницами и красавицами. О причине участвовавших визитов никто не упоминал вслух, однако шитые белыми нитками смотрины не были секретом даже для Хаима, в те поры желторотого огольца.

Старший брат питал слабость к пухленьким, и Хаим диву давался неиссякаемой череде девиц в сдобном теле. Когда к брачному возрасту подходили средние братья, которым, напротив, нравились стройные, матушка Гене принимала торжественные парады невест худощавых, сухопарых, поджарых, тощих, костлявых, тщедушных... К огорчению братишки, оживленная вереница пробных обедов, как правило, восходила к заключительному веселью и завершалась досадной теснотой в домашних рядах.

Хаим подозревал, что точно такие же сватовские маневры, заменяющие подлинные чувства деловыми соображениями, предпринимались и во время отцовского жениховства, и все в нем восставало против фельдмаршальского энтузиазма матушки Гене и безропотного поведения братьев, повторяющих судьбу старого Ицхака даже в этой важнейшей вехе. В свете утвержденной родителями традиции Хаим намеревался остаться холостяком.

Он впервые всерьез задумался о жизни мужской части клана. Всего полдня назад он был чуть оступившимся, но вполне покладистым «своим для своих». Его заботило, что о нем думают знакомые, беспокоили мысли об успехе и неудаче, привилегиях семейства и делах компании. Его, как всех, на кого ни посмотри, волновали деньги. То, к чему стремятся художники и поэты, аристократы и буржуа, рабочие и крестьяне. Деньги – бумажные листья бесплодной смоковницы, прикрывшие чистую наготу адамов и ев.

Хаиму казалось, что он находится вне времени и никогда не жил по-настоящему. Да, ему в разной степени были близки житейские мелочи и общие тревоги. Да, он о чем-то мечтал, собирался что-то совершить, кого-то покорить. Но все это умственно, в полудремотном сознании, или под влиянием мятежных чувств. Он словно подневолью входил в жизнь, машинально подстраивался к установленным действиям и честно старался соответствовать семейству, студенчеству, обществу. В редкие дни пробуждения, покинув аморфную оболочку, он метался, мучаясь неудовлетворенностью и беспричинной хандрой. Хаим сам не знал, чего хочет. Что-то прекрасное и простое маячило впереди...

Что это было? Завеса не приоткрывалась, а тенета не сбрасывались, вновь опутывали и усыпляли.

Он как бы издалека ощущал две могущественные величины: власть и богатство. Власть и богатство в паре управляли людьми. Многие сверстники Хаима, будто в споре о курице с яйцом, еще присматривались к главной из двух. Он тоже искал себя. Нельзя сказать, что его не интересовали политика и общественные движения. Он следил за ними, но как непричастный наблюдатель, со стороны потрясенный шествием грозного века, как регистратор, а не современник происходящего, ни с кем не спорил и ни во что не вмешивался. Политика виделась ему смесью фанатерии, чудовищной лжи и фанатизма, представлялась скрытой битвой, разыгрываемой кучкой наиболее искушенных стяжателей все тех же власти или денег, а чаще того и другого вместе. Политические события, понял он, всегда были продуктами инфернальной алхимии и невосстановимо разъедали души. Хаим не раз убеждался в том, что ни образование,

ни интеллект не гарантируют внутреннего благородства. На его глазах цивилизованные люди, напичканные правилами морали и культуры, прочитавшие массу высоконравственных книг, вели себя по-хамски, жестоко и страшно, когда малейшая опасность угрожала их капиталу, престижу или маниакальной идее.

Общество принимало навязанные условия, как удары неуправляемой стихии, покорялось новым порядкам, оправдывая верховные решения набором свежиспеченных воззваний, и постепенно начинало верить в их состоятельность и правоту. Если порой затевалось сопротивление, на поверку оказывалось, что это опять-таки закулисная борьба каких-нибудь жаждущих власти партий, кучек и групп.

Несмотря на внешнюю общительность, Хаим шагал по жизни отдельно, – не лидер, не аутсайдер, – обособленный от среды экземпляр. Общественной позиции он предпочитал собственные принципы и не отступал от них. Он относился к таким людям, которые, когда их спрашивают: «Зачем?», не всегда могут ответить. Этот вопрос, заданный применительно к поступку человека, обычно подразумевает объяснение с точки зрения выгод, а Хаим редко примерял к выгоде те свои шаги, что не были понужденными. Они-то как раз и вызывали недоумение, сопряженное у родных с гневом и горечью, а у чужих – с любопытством.

Он не любил выделяться, но не желал и унижать себя приказом «быть, как все». Ему хотелось быть собой. Только самим собой.

Сегодня он понял: есть нечто значительное, направляющее жизнь, помимо власти и денег. Раньше он наивно верил в любовь, потом перестал принимать во внимание, даже слегка презирал, а теперь она вселилась в сердце и думы, как неоспоримый, единственный смысл. Мир наживы и ничтожных достоинств сгорел в нем дотла, синим пламенем и без сожаления. Остался пепел. Из такого пепла рождаются непредсказуемые фениксы – герои, нигилисты, философы... чудаки и блаженные.

Стыдясь переизбытка чувств, Хаим засмеялся: так кто же он? – и не совсем логично определил: прагматичный романтик. Предав огню прежние ценности, бедствовать он не собирался. Мужское время требовало практических решений. В вольнодумце проклюнулась наследственная предприимчивость: прежде чем отпустить на свободу чувственность, он детально разработал план новой жизни.

Он нашел свою женщину. Нашел свое ребро, плоть от плоти, почву семени и силу вен. От одного только слова *жена* – со значением, если вдуматься, нездешним, первородным, все мучительно и сладко переворачивалось в нем. Быть с любимой днем и ночью, владеть и отдаваться, носить на руках, ощущать всей душой и телом, ласкать ее... любить... любить и спать с ней...

С этим он уснул крепко, без мыслей и снов.

В тайну тайн Хаим никого не посвятил. Сообщница Сара не сумела бы тут помочь.

Девочка терялась в догадках, почему он стал рассеянным и странным, отказывался от обсуждения книг, игр в догонялки и шахматы, обижалась и даже немножко плакала. Сара не понимала, что между нею и братом пролегла полоса отчуждения, ничейное поле, которое он уже пересек, а она до него еще не добежала.

Родители были удручены осечкой со сценическими притязаниями сына и поздно углядели в нем перемены. Вместо того чтобы приступить к работе в семейной компании, Хаим устроился в отдел сбыта литовского торгового общества «Продовольствие», чье головное предприятие находилось в Каунасе.

В доме запахло грозой. Братья не знали, как разговаривать с отступником, вечно попадающим в исключительные ситуации, а теперь осмелившимся на скандал. Матушка Гене прекратила всякое с ним общение. Старый Ицхак, больше всех обескураженный неоправданными ожиданиями, все же признал, что сын решился на верный шаг, предпочтя для карьерного роста

начало в солидной монополии. Продовольственная компания имела огромное влияние на экономику республики и отправляла за границу чуть ли не половину ее сельскохозяйственного экспорта...

Но если бы отцу стало известно, чем Хаим руководствовался при выборе места службы, он бы, пожалуй, примкнул к матушкиному бойкоту.

Хаиму удалось обойтись без связей и рекомендаций. Наудачу предъявив университетский диплом руководству корпорации, он почти не рассчитывал на место, а явился очень кстати – в отдел как раз подыскивали сотрудника на перспективную должность.

Ему повезло, но он выбрал эту фирму не из-за ее авторитета и мечты о карьере. Мотивы Хаима были незатейливы и стары, как вселенная, хотя в «Продовольствие» он сунулся, после предварительного расследования, и впрямь не без надежд на будущее. Контору филиала собирались ремонтировать, и начальство временно переселило отдел сбыта в складское помещение. В один из тех самых складов, в чью мощную боковую стену упирался забор православной молельни.

Глава 4

По ту сторону соблазнов

О сходстве с Гретой Гарбо ей время от времени напоминали, начиная со старших классов гимназии, и, увидев новые фотографии в витрине кинотеатра, она не удержалась – захотелось их внимательно рассмотреть.

Ну чем же похожа, где – похожа? Нос меньше и закругленный книзу, рот пухлее, улыбка другая. Волосы у актрисы светлые, а у нее рыжие. Разве что глаза... Интересно, в жизни они у нее тоже синие?

Немного отодвинулась, скользнула взглядом искоса, – и словно не Гарбо стоит на носу корабля, а она, Мария. Изучила черточку за черточкой – нет никакого сходства, да и с чего бы ему взяться! Чудится только с первого взгляда, как наваждение, потом сразу становится понятно, что разные. Совершенно разные. Мария почти убедилась в этом, а тут подошел он, и снова: «Вы на нее похожи!»

Позже, увлекшись сюжетом фильма, она забыла о неприятном осадке, оставшемся от разглядывания фотографий. Не пожалела, что решила посмотреть «Королеву Кристину». Но уступчивость в предосудительном уличном знакомстве, неожиданная для самой себя, вызвала недовольство. Он, наверное, решил, что она глупенькая простушка. Не успел договорить, а уже закивала: да, да! Пальцы легонько пожал на выходе, рука большая, горячая...

Мария в досаде тряхнула волосами: что за блажь – никак не выходит из головы!

Столкнулась за калиткой с каким-то молодым человеком – ой! И второй раз ойкнула, когда узнала, а впору было бежать обратно домой. Побежала бы, ведь испугалась, но шагу не шагнула, – сам отпрянул, удивленно округлил глаза, – дескать, надо же, опять «Грета», и приподнял в знак приветствия козырек фуражки...

Только и всего. Мимо прошел молча, чем сбил ее с толку. Она-то невесть что вообразила: выследил, где живет, куда ходит, будет теперь приставать, как Железнодорожник из Вильно...

Стало стыдно за дурные мысли о неизвестном ей, в общем-то, человеке, еще стыднее из-за того, что поймала себя на разочаровании. «Ни слова не сказал», – промелькнула обидчивая мысль. Выходит, чего-то ждала?.. А фуражка у него фирменная, акционерной компании «Продовольствие», чьи склады стоят рядом с молельней.

На следующий день увидела возле продуктового магазина. В этот раз он был любезнее. Поздоровался, извинился за вчерашнюю неучтивость, – спешил очень. Объяснил, что отдел, в котором он значится кем-то вроде начальника торговых агентов, на время ремонта поместили сюда в склад, и помог донести до дома авоську с продуктами. Вежливый ровно настолько, насколько порядочные молодые люди бывают вежливыми с малознакомыми девушками, он не задавал лишних вопросов и не оказывал подозрительных знаков внимания. Мария совсем застыдила себя – нафантазировала всякого, а все так просто объяснилось. Обыкновенной случайностью оказались их встречи.

Теперь ничто не мешало ей наслаждаться домашним кругом, в который она вернулась. Потревожил лишь несколько ночей подряд сновидшийся сон. Видение было настолько реальным, что захватывало дух, и ощутимо, болезненно билось сердце. Чудесный сад, полный деревьев с красновато-бронзовой, тонкой, как кожа, корой окружал Марию со всех сторон. Она ступала по бархатистой траве, и деревья раздвигались перед нею, оставляя ровно столько места, чтобы можно было пройти. Кусты с розовыми бутонами на вьющихся лозах касались бедер и коленей мягко, не цепляясь, не мешая идти куда-то ей, обнаженной, – она поняла это, когда ветвь нежно коснулась голой груди.

Во сне Марии нисколько не было стыдно, что тело не прикрыто ничем, даже ночной сорочкой, хотя знала – в конце пути ее кто-то ждет. Впереди сквозь колышущееся волнами

полотно зелени слабо просвечивало солнце. Она шла, и лес открывал зеленые двери, пока не очутилась на поляне, поросшей мелкой воробьиной травой.

Человек вышел из-за деревьев с другого края поляны, двинулся к ней с протянутой ладонью – рука была не пуста. Что-то сияющее, круглое пылало на ладони, плыло навстречу тяжелой каплей румяного солнца... и, прежде чем присмотреться, что он держит в руке, Мария всякий раз просыпалась с чувством жгучего стыда и ужаса, потому что вдруг вспоминала: она без одежды, а он, этот человек, – мужчина.

Призрачный сад сворачивался, как лист бумаги, с листовым шелестом, и веки трогали утренние лучи – сильные летние лучи, легко пронизывающие застиранный батист занавески. Станный комок больно и сладко саднящего жара поднимался с низа живота. Мария в смятении думала – что может означать непристойный сон? В нем, казалось, прячется какой-то неуловимый смысл. Но открывала глаза, и все становилось ясно. О чем тут гадать? Просто подходит «женское» время, наказание божье раз в месяц за Евин искус в райском саду...

Правда, было однажды в детстве, – рассказала одно из своих немудрящих видений тетке Дарье, а та почему-то рассердилась: «Вещие сны у тебя, забудь!»

...Встречаясь по-соседски, улыбались друг другу через палисадник, и Хаим не догадывался, что его разделяет с Марией не штакетник, не кусты, а широкое пространство дней ее бесхитростности, невинности и сиротской печали. Девушка находилась по ту сторону на своей, далекой от многих соблазнов, территории жизни, и в огромном мире для нее ничего не изменилось.

Марию окружала атмосфера подвижничества и чистоты. Она не слышала, чтобы в общине кто-нибудь говорил вслух об интимной стороне человеческих отношений. «Запретные» темы занимали ее в отрочестве, как любую старшеклассницу, но любопытство не заглоло настойчивого интереса. Сам воздух, заряженный током возбужденного шепота, темных тайн и намеков, вызывал у нее чувство брезгливости. В свободные вечерние часы, потраченные гимназическими подружками на секретную болтовню, она читала или бралась за самоучитель английского языка. Больше всего на свете Машеньку Митрохину волновало обязательство перед людьми, опекающими ее, а выразить свою благодарность она могла только успехами в учебе.

Она родилась и жила в детстве при доме, где проходили церковные службы. Окормлять верующих время от времени наведывались пастыри из Векшняйского Свято-Сергиева храма. Отец Алексей дружил со старостой здешней русской общины и бывал в Клайпеде чаще других. Православная епархия находилась в Вильно⁸, владыке не разрешали ездить в Литву, но священники из православных литовских приходов имели право посещать враждебный город.

Проникшись судьбой девочки, отец Алексей увез ее в Вильно и определил в приют для сирот православного духовенства при женском монастыре. Через год Машеньку за общественный счет приняли в школу при русской гимназии. Летом, если удавалось, кто-нибудь со служебной okazji привозил девочку на каникулы в родную Клайпеду. Смышленая и старательная, она получала Пушкинскую стипендию из рук невестки великого поэта Варвары Пушкиной, жены его младшего сына Григория, а после гимназии по протекции Русского общества поступила в педагогическое училище.

Отца Алексея поражали лингвистические способности девушки. К окончанию училища она, кроме родного русского, свободно владела еще пятью языками. Сама Мария полагала, что ничего удивительного тут нет. В Клайпеде люди общались на немецком и литовском, в

⁸ С 1920 по 1939 г. Вильно (Вильнюс) принадлежал панской Польше. Православная епархия находилась в Вильно до 1935 г., затем в Каунасе до передачи Вильнюса Литве Советским Союзом (1939 г.).

Вильно – на польском и идиш, похожем на немецкий. Только английский она изучала вначале самостоятельно, а затем – в училище.

Батюшка собрался просить Русское общество о дальнейшей поддержке Марии для обучения ее в Виленском университете имени Стефана Батория, но девушка заартачилась. Она хотела работать. Втайне давно уже решила отдать долг попечителям за годы своего содержания. Не деньгами, конечно, они бы и не взяли. Мария мечтала найти в приюте способную девочку-сиротку и, откладывая часть жалованья, помочь ей получить образование.

В «Пушкинке», как после смерти Варвары Алексеевны стали называть русскую гимназию, освободилась вакансия. Директриса предложила место бывшей выпускнице, чему очень обрадовалась классная руководительница, у которой училась когда-то Мария...

Осенью отец Алексей должен был провести службы в Клайпеде и ехать в Каунас, куда переселилась епархия, а вначале отправиться с девушкой в Вильно. Заботы о смене ее клайпедского гражданства добрый пастырь тоже обещал взять на себя.

Мария любила Вильно, его широкие мостовые и тесные улочки-коридоры, словно с благословения собора Святого Станислава расходящиеся от Кафедральной площади, голубое витие рек и кудрявые пригородные леса; любила легенды, живущие в его особом свете, в запахе, что окутывает город степенной стариной и свежестью, настоящей на осеннем листопаде.

В древнем предании говорится, что из Замковой горы, где стоит башня литовского короля Гедиминаса, под землей разбегаются во все стороны ходы таинственного лабиринта, омываемые пещерной рекой... Сверху город кажется причудливо расписанной чашей, вылепленной ладонями разных эпох, народов и сословий. Сколько раз Мария поднималась на гору, а не надоедало разглядывать это многовековое творение – золотые луковки церквей, медные купола дворцов и костелов, красные пятнышки черепичных крыш и пчелиные соты бедных кварталов – город надежд, поэзии, молитв и борьбы за кусок хлеба...

С башни хорошо виден храм святой великомученицы Параскевы Пятницы, похожий издали на облитый глазурью пряник. В этом храме Петр Великий крестил своего любимца – арапа Авраама Ганнибала. А в юго-восточном предместье находится самая высокая местность в окрестностях Вильно – там любил прогуливаться император Александр I.

Рядом зеленеет парк имени Маркуц. Среди старых лип и дубов маленькая церковь святой великомученицы Варвары хранит покой бывших хозяев. Под одной могильной плитой спят праправнук Ганнибала Григорий Александрович Пушкин и жена его Варвара Алексеевна, покровительница Пушкинской гимназии, почившая три года назад...

Мария скучала по городу, в котором жила пятнадцать лет, но предпочла бы остаться здесь. Отчаянному нежеланию вернуться в Вильно имела своя причина. Девушка боялась брата классной дамы из «Пушкинки». Боялась его наглых глаз, рук, даже имени, поэтому называла назойливого мужчину, подкарауливавшего ее повсюду, Железнодорожником – он служил на железной дороге.

Стесняясь пожаловаться отцу Алексею, Мария надеялась, что Железнодорожник как-нибудь образумится сам – он был женат. Но в последнее время Железнодорожник стал особенно настойчив. Вызнав об отъезде Марии в Клайпеду, он пришел к поезду проводить ее и уверенно сказал: «Аккурат к тому времени, когда вы вернетесь, я разведусь, и мы поженимся».

Она ничего не ответила, хорошо зная, что ее несогласие не будет принято. Решила рассказать все отцу Алексею, когда он приедет за нею, а пастырь доведет до сведения начальницы гимназии. Директриса – разумная женщина, поймет и поговорит с классной дамой. Вместе они урезонят преследователя...

Железнодорожник заронил в Марии страх перед мужским вниманием. Она настораживалась и обрывала общение с юношами, едва только они начинали проявлять к ней нечто большее, чем обычную симпатию. В их заинтересованности девушке чудилась смутная угроза, сродни преступному посягательству.

Среди сокурсниц она слыла недотрогой и «синим чулком». Ее эротический опыт ограничивался редким чтением амурных романов, рекомендованных подругами, и их же рассказами. Вначале представления, почерпнутые из этих источников, были романтично-провинциальными, затем теория подкреплена наблюдениями, и Мария пришла к выводу, что практическое изучение предмета ей отвратительно. Возвышенная книжная любовь оказалась мечтой, недостижимой в реальной жизни, а значит, и не стоило морочить себе голову бесполезными мыслями. Как в свое время Хаим, она решила, что физическая близость облагорожена людьми для придания привлекательности гадкому на самом деле акту, оправдать который можно исключительно рождением детей. В своем учительском будущем девушка не видела места ни так называемой любви, ни замужеству.

Глава 5

Под печальной березой

Мария старалась не думать, что ее приезд в Клайпеду, скорее всего, последний. И все равно думала. Недавно девушка провела последние частные уроки английского языка. Репетиторство кончилось, времени до осени осталось много. Теперь она почти ежедневно приходила на православное кладбище. Сидела, читая у печальной березы, или просто размышляла о чем-нибудь.

Рядом под спудом всхолмленной земли, увитой березовыми корнями, покоилась мама. С могилы на Марию кротко смотрели анютины глазки. Лучи сквозь соломку шляпы играли в пятнашки на страницах раскрытой книги. Солнце горячило руки, а если пролетал ветер, казалось, вместе со струями воздуха уносился невидимый котенок, пригревший колени. Вдоль дороги вслед ветру катились желтые одуванчиковые волны. Сладкий цветочный запах мешался с пряным ароматом сосновой смолы. Вокруг разливалась безмятежная тишина, разве что шмель прожужжит...

Девушке было хорошо и спокойно. Она бегала сюда ребенком выплакивать свои маленькие горести. Родина, мама, отец, дом – в детстве эти слова наполнились сокровенным смыслом именно здесь, среди темных покосившихся крестов. На кладбище никто не ходил и давно уже никого не хоронили. После войны русских в крае осталось мало. Всего тридцать два человека среди почти стотысячного населения.

...Роман Дмитриевич Митрохин, выходец из обнищавшего дворянского рода, служил поручиком и, от природы талантливый к языкам, подвизался секретарем у дипломата Сергея Протопопова. За год до германской Сергея Алексеевича послали консулом в Мемель. Он прихватил с собой Митрохина с его юной женой Софьей. Роман Дмитриевич помогал штатному делопроизводителю заполнять документы и писать отчеты, исполнял обязанности переводчика, почтальона и даже дворника.

В начале военных волнений консульство отправило на родину подданных Российской империи, колонию в полтысячи человек, и прекратило свое существование. Протопопова откомандировали в Италию. Сергей Алексеевич обещал замолвить словечко за Митрохина, чтобы его взяли драгоманом⁹ в какую-то восточную страну, но Роман Дмитриевич застрял в Мемеле: жена заболела. Они едва успели укрыться в молельном доме, который горстке русских удалось отстоять у новых властей. Бывшему консульскому помощнику пришлось прятаться, Софья никак не могла оправиться от недуга, еще и забеременела, а произведя на свет дочь, умерла от родильной горячки.

Вдовцу повезло с кормилицей, в общине была женщина с младенцем. Отец не отходил от ребенка, но однажды отлучился, куда, зачем – неизвестно, обещал ненадолго и пропал.

Староста общины рискнул осведомиться в полиции о сгинувшем человеке только через неделю. Ответ был получен краткий: шпиона Митрохина шесть дней назад арестовали и застрелили при попытке к бегству. Кем и где закопано тело, так никто и не вызнал...

Шестилетнюю Машеньку, возвращенную всем приходом, привела на могилу мамы кормилица Дарья. После Дарья как-то исхитрилась уехать с сыном в Россию. Там снова шла война, но, видно, женщине показалось милее на беспокойной родной стороне, чем с мужем-пруссаком. Больше о Дарье не слыхали.

Трагическую историю Митрохиных рассказал повзрослевшей девушке отец Алексей, а пастырю – прежний староста, тот, что ходил справляться об участии Романа Дмитриевича.

⁹ Драгоман – официальная должность переводчика при дипломатических представительствах и консульствах в восточных странах.

Мария молилась у печальной березы за мать и отца. Жаль, ни одной фотографии не было, не взглянуть на дорогие лица. Верилось, что души родителей нашли друг друга и витают над кладбищем вдвоем. Ушли молодые, отцу не было тридцати, мать умерла девятнадцатилетней. Дочери странно было сознавать свое «старшинство»: ей исполнилось двадцать три.

Обихоженной могиле не хватало ограды. Мария спросила сторожа молельни, есть ли мелкие досточки, пояснила, зачем они ей нужны.

Кроме охранной службы, старик нес ответственность за хозяйство общины, слыл одновременно человеком честным, зажимистым и горьким пьяницей. Впрочем, скупость находила на него только по трезвой поре, а таковая случалась все реже. С утра он уже слегка принял и от распиравшей душу щедрости отвалил просительнице бревнышек для столбов и несколько кип штакетника. Выдав инструменты, озаботился:

– Как поволокешь-то?

– Не все сразу, – бодро ответила она. – Каждый день стану понемногу таскать. – Но попробовала закинуть связку на спину и охнула. А ведь еще нести лопату и ящичек с молотком и гвоздями!

– Погоди, коня запрягу.

Девушка не услышала. Она побежала к калитке. Над смородиновыми кустами палисадника плыла серая фуражка...

– Чегой-то жиденек зачастил по нашей стороне, – пробормотал старик, неодобрительно качая головой.

В воскресенье Хаим помог смастерить ограду на кладбище и поставил под березой крепкую лавочку. Мария собрала мусор, придирчиво оглядела пригнанные одна к другой штакетины, аккуратно навешенную дверцу с железной задвижкой. Побелить – и мамин «дворик» будет виден издалека.

К своему удивлению и радости девушка обнаружила, что Хаим умеет довольно бегло изъясняться на русском. Ломаными, правда, фразами, зато почти без акцента. Разговор на родном языке доставил ей неизъяснимое удовольствие. Человек, о существовании которого она не подозревала совсем недавно, открылся вдруг в близком, неуловимо родственном свете. Марию затопил горячий прилив благодарности.

– Без вас я бы тут долго промучилась. Столько времени на меня потратили.

– Выходной, – развел он ладонями. – Вы – мой товарищ. Я помогать.

Она засмеялась:

– Товарищ? Меня еще никто так не называл.

– Назвать «подруг» я вас не иметь правила.

– Права, – скорректировала она и зарделась, углядев в его словах двусмысленность. Но искристые глаза собеседника улыбались так открыто и невинно...

– Права, – повторил он, запоминая.

– Где вы научились говорить по-русски?

Он махнул в сторону моря.

– Лейпциг. Я там научить. Хотеть читать оригинал большой русский поэзия, проза. Пушкин, Достоевский, Толстой. «Война и любовь».

– Мир.

– Мир, – согласился Хаим. – Моя душа – не есть солдат. Я не любить война. Война есть смерть. Я хотеть мир всегда, всегда. Мир есть любовь. Без любовь нет жизнь.

Набор отрывистых слов опять почудился девушке многозначительным. Она не стала над этим раздумывать, раздосадованная стеснившим грудь волнением. Что-то необъяснимое творилось с нею. Мария была не вольна над собой, не могла успокоиться! В ней как будто ожи-

вала другая, незнакомая и непослушная половина, которая залила лицо предательским жаром и заставила сердце биться тревожно и громко.

– Пора домой. – Девушка поднялась с лавки. Непонятное состояние ее сердило.

– До свидания.

– До свидания.

Перебросились словами, как мячиками пинг-понга, и разошлись.

«До свидания», – в смятении повторила Мария, сбегая вниз по тропе. Лукавое, свитое из дразнящих посулов, слово расплелось, обещая: до свидания, свидание... свидитесь... увидите... никуда не денетесь.

В глазах рябили лаковые чашечки лугового чая, над бледным бессмертником гонялись друг за другом мотыльки, спеша насладиться летом маленькой жизни. Мария попыталась сосредоточиться, отогнать шепот непростодушных слов. Отчего они сегодня кажутся ей исполненными двоякого смысла? Ну и что – посторонний человек подсобил, сама же осмелилась попросить! Ну и что – говорит по-русски, почему так расчувствовалась, аж больно в груди и хочется плакать?..

Она резко остановилась, всплеснула руками: ящичек с инструментами! Забыла, и Хаим не напомнил. Пришлось повернуть обратно. Любуясь ладной оградой, снова села под березу на лавочку. Думала о том, что бедные родители умерли не на своей земле. А ей, их дочери, мемельская земля родная. Клайпедская земля... Мария вздохнула. Осенью она уедет и не скоро увидит мамину могилку. А может, никогда не увидит. Все-таки Вильно – заграница, и отношения с Литвой все хуже. Отец Алексей жаловался, что с поездками становится с каждым разом сложнее.

Остаться бы навсегда здесь, где море, небо, сосновый воздух – все-все родное. Боже, не дай на чужбине угаснуть! Помирать – так на родине. Разумеется, когда-нибудь потом, через кучу лет, после жизни... естественной смертью... от старости, которая далеко-далеко... Мария нагнулась над холмиком, провела рукой по головкам цветов, по их нежной живой прохладе. Душа отмякала, скорбела – слезы текли. Она уедет, и больше не будет свиданий – до-свиданий с «товарищем» Хаимом. Мария засмеялась – какое-то смешное обращение, полуофициальное. Вряд ли он знает, что товарищами называют друг друга большевики.

Время мчалось ощутимо, безжалостно, теряя на лету лепестки. Глупый мотылек ткнулся в подол платья, вцепился в ткань и завис. Стряхнула его в ладонь, дунула, и полетел в мир.

Лети, бабочка-лето! Живи... люби! Мир есть любовь. Без любви нет жизни.

Глава 6

Клайпеде грозит Мемель

Хаим ушел из дома.

Чтобы не плакать на людях, сокрушенная матушка Гене решила считать его вылет из гнезда чем-то вроде самовольной армейской отлучки. Матушка плакала ночью. Едва уgomонив сердце, представляла одинокого, неприкаянного, плохо поужинавшего сына и опять плакала. Гнев и жалость потихоньку углублялись в подушку, пока не погрузились туда совсем.

Через несколько дней матушка уже бодро думала, что краткий революционный отдых от семьи Хаиму не повредит. Пусть, пусть постолуется с чужой кухни, поспит на чужой кровати! Перебесится и начнет больше ценить родные пенаты.

Снять в Клайпеде комнату, не говоря уже о квартире, было невозможно. Морской порт постоянно нуждался в рабочей силе и притягивал безработных из всех нищих губерний Литвы. Муниципалитет в приказном порядке обязал домовладельцев сдавать лишнюю площадь с фиксированной платой, но жилья в городе катастрофически не хватало.

Ожидая блудного сына со дня на день, матушка Гене недооценила его упорства. Беглец изловчился найти квартиру в хорошем районе. Меблированную, с газом и даже телефоном!

Матушка рвала и метала. Старый Ицхак молча ухмылялся в бороду. Он был доволен сыном. Хаим сумел войти в жизнь сам, без патронажа. Стало быть, за его на вид беззаботным своеобразием пряталась твердая воля.

...Если Хаиму есть что прятать, так это не что-то, а кто-то, смекала матушка. Небось хитростью окрутила мальчишку какая-нибудь пройдошливая женщина, прожженная шлюха, прости, Всевышний! Как бы не женился тайком! Разве может быть подлинным неосвященный брак? Ох, когда же одумается гуляка, когда оставит игры в любовь?!

То теряясь в жутких предположениях, то убеждая себя в непорочности сына, она не догадывалась, как недалеко от истины некоторые ее домыслы... Но вскоре на фоне другого, более тягостного события ярость матушки по поводу гипотетической сожительницы Хаима померкла и обмелела слезами.

Одиннадцатилетний внук Шнеур ворвался в зал во время обеда, в лице ни кровинки, и выдохнул:

– Меня исключили!

Оказалось, из частной немецкой гимназии, в которой учился Шнеур, отчислили всех еврейских детей. Директор учебного заведения даже не счел нужным уведомить об этом родителей. Встретив мальчика на улице, он велел ему забрать документы.

Обстановка в крае заметно накалилась с тех пор, как через город, вечную ступень между западом и востоком, в обе стороны начали перекатываться волны беженцев. Клайпедская власть раскололась на союзы и партии, в сеймике хватало нацистов и националистов. Местные таутининки¹⁰, якобы возмущенные «негуманным отношением иудеев к животным», провели кампанию против кошерного убоя скота. Под видом спортивных секций создавались военизированные организации профашистского толка... И вот теперь детей евреев выгоняют из школ.

– Нам говорят: «Согнись и выйди», а мы не сгибаемся, хотя всегда держим ноги носками к двери, – вздохнул старый Ицхак.

Вечером Готлибы, включая Хаима, собрались обсудить тему переезда.

Старший сын настаивал на эмиграции в Швейцарию. Основная часть семейного капитала, обращенная в золото, хранилась в женевском банке «Lombard Odier». Отец, больше

¹⁰ Таутининки – представители националистического литовского движения.

доверяя своему провидению, чем мнениям окружающих, сомневался. Европа, на его взгляд, погрязла в экономической нестабильности и разногласиях. Одна только Германия как будто выкарабкалась из кризиса, но разумные евреи покидают страну. Весной фюрер без особого давления присоединил к ней свою родину Австрию. Старый Ицхак подозревал, что в захватнических и многих других направлениях Гитлер повторяет Муссолини.

Хаим не принимал участия в споре. Не нужно было слюнить палец, проверяя, откуда в Клайпеду дует пагубный ветер. Он лучше других знал, что происходит в республике Третьего рейха, ведь он там жил.

Когда Гитлер пришел к власти, Хаим учился на первом курсе, и с тех пор поветрие страха, вроде хронического насморка, не оставляло его на немецкой земле. Университетское начальство постепенно уволило почти весь «иудейский» преподавательский состав и под разными предложениями старалось отсеять еврейских студентов. Государственные должностные места, курортные зоны закрылись для представителей вечно опальной национальности. Рейхсканцлер быстро превратил страну в однопартийное государство с антисемитскими законами. Сила его была фантастической, и никакому дуче он не подражал. Поговаривали, что Гитлер обладает умением гипнотизировать. После смерти фельдмаршала Гинденбурга он соединил посты президента и канцлера. Он действительно победил кризис. Благополучие в стране, по сравнению с предыдущими годами, невероятно повысилось, поэтому в единовластного правителя, как в бога, верили интеллигенты и рабочие, богатые и бедные, богомолы и атеисты... и некоторые евреи.

Хаим, конечно, был возмущен произволом хозяина гимназии. Но ситуация в городе не казалась ему такой уж невыносимой. Как бы то ни было, он отучился в Лейпциге. Среди немногих евреев, но вполне благополучно. Нацисты есть везде, Клайпеда в этом отношении не лучше и не хуже других мест. Если он укатит отсюда, то совсем по другой причине.

Днем он узнал о сентябрьском отъезде Марии. «Наверное, я уже не увижу мой город», – сказала тоскливо девушка. Из скупых недомолвок Хаим заключил, что ею движут не собственные желания, а подчинение долгу.

Им обоим нравилось жить здесь. Значит, следовало придумать, как избавиться от командировок и за полтора оставшихся месяца убедить Марию отказаться ехать в Вильно. А не получится – тогда он отправится за нею в этот Северный Иерусалим¹¹.

Старый Ицхак пронзительно глянул на сына, и Хаим встрепенулся:

– Я никуда не поеду.

– Как всегда, против всех! – в свирепом бессилии воскликнула матушка Гене.

– Почему, Хаим? – встряла Сара в разговор взрослых, и никто ее не осек.

– У меня хорошая работа. К тому же я не считаю, что здесь опасно.

– Пока не очень, – согласился отец. – Но стоит ли ждать, когда Клайпеда снова станет Мемелем? При нынешней политике это неизбежно, как фатум. Немцы – культурные люди, но... Те, кто вовремя не увидел опасности, потом и за бесценок не смогут продать свое имущество.

– До этого не дойдет, – пробормотал сын. – И у меня нет имущества. Я остаюсь.

На языке у кипящей негодованием матушки Гене теснилось так много фраз разной степени злости и горечи, что она в них запуталась. Больше всего хотелось с убийственным сарказмом напомнить безрассудному мальчишке о неудаче с консерваторией.

Матушка проглотила ком гнева. Дети не услышат неприличных стенаний. Что бы ни произошло, нужно «держаться». Не обладая искусством светского хладнокровия в таком же совершенстве, как старый Ицхак, она предоставила ему поле словесного сражения.

¹¹ Северный Иерусалим – так евреи до Второй мировой войны называли Вильно.

– Твое решение окончательно? – с холодной деликатностью осведомился у сына старый Ицхак.

– Да.

– Что ж, не смею неволить.

Больше Хаима никто ни о чем не спрашивал.

Разочарованная столь короткой битвой и капитуляцией главы семейства, безмолствовала матушка Гене. Отчаяние горчило и кисло во рту, скулы свело, как бывает, когда режешь лимон. Матушка ушла в комнату плакать. Потом думала: мальчик вправе сам убедиться в затаившейся угрозе. В конце концов, ему действительно не за что опасаться. Да... Кроме своей жизни. Пусть держит ноги носками к двери и, если то страшное, чего боится прозорливый Ицек, двинет сюда, сын вернется в семью. Снова все будут вместе.

Хаим не отважился ретироваться. Ближе к ночи утомительный для него спор разрешился в пользу Каунаса. Сгодится перетерпеть тревожное время.

В Каунасе у отца имелись крепкие деловые связи. Компания купит или построит завод, вывезет оборудование и наймет новых людей. Жаль, что здесь все придется свернуть и распустить рабочих, но ничего не поделаешь. Из недвижимости пока еще можно выжать изрядный гешефт. Старый Ицхак успел все посчитать.

Глава 7

Искушение

...Она критическим взором окинула свой крохотный гардероб и расстроилась. Как ни освежай оба платья белыми воротничками, видно, что ткань вытерлась и поблекла. Голубая перкалевая блузка тоже выцвела, о юбке и говорить нечего – на пугало и в огород. Мария всегда старалась одеваться подчеркнуто опрятно, но ведь одежда от этого новее не становится! Если одно из платьев превратить в юбку, на остатки денег от репетиторства все равно не купить блузку даже на дешевой распродаже. Но как хотелось побывать в Любеке!

Пароход вез в Любек грузы, Хаим должен был встретиться там с представителем английской фирмы и нуждался в переводчике. Руководство общества «Продовольствие» пригласило Марию по рекомендации Хаима и обещало хорошо заплатить.

В кабинете конторы, куда ей велено было явиться, начальник попросил произнести любую фразу по-английски.

– I'm sorry, but my pronunciation is not very good, so I will not go on the trip¹², – пролепетала девушка в жгучем стыде за свой убогий, как она подозревала, вид.

– С произношением у вас все в порядке, – рассмеялся мужчина и, проницательно глянув на нее сверху вниз, подписал какую-то бумагу: – Возьмите в кассе аванс.

Столько денег враз Мария в руках еще не держала! Она свернула было в магазинчик попроще, но вышла и направилась к центру. Постояла в большом магазине у прилавка с эластичным нижним бельем американской фирмы «Lastex», прогулялась мимо ярких летних платьев и строгих костюмов. Названия тканей ласкали слух, витиеватые, как имена гостей на приеме в королевском дворце: маркизет, гипюр, креп-жоржет, панбархат, твид...

Полдня потратила на хождение по магазинам и вернулась к первому. В нем же, недорого, купила нарядное хлопчатобумажное платье синего цвета в горошек и фильдеперсовые чулки. В «кожаной» галантерее долго не выбирала – сразу приглянулись темно-серые рижские туфли-лодочки и сумка в тон.

Никогда не носила Мария таких роскошных вещей. Разложив платье на постели, все не могла на него насмотреться. Чулки приятно льнули к ногам, удобную обувь не хотелось снимать... Сколько же, сколько прелестных нарядов она видела сегодня! Ни разу прежде не перебирала, не думала о них. А взять бы еще тот сарафан из зеленого штапеля в цветочек, что висел в витрине, мягкие босоножки замш... латексный корсет с пажам для чулок...

Ахнула виновато: стоило завестись деньгам в кармане, и вот оно – искушение! До забот ли о сиротах ей будет, если радеть только о себе? Ведь и работать-то не начала! Повесила платье на плечики, плечики – на гвоздь у кровати, а все равно, пока разогревала чугунный утюжок и гладила плащ из бессмертной парусины, пошитый прихожанкой-портнихой, поглядывала на обновку и любовалась.

Этим летом много больших и мелких событий произошло впервые. Мария терялась, не зная, как относиться к некоторым из них. Размеренная жизнь резко изменилась и расцвела броскими красками после знакомства с Хаимом. Рядом с ним Мария чувствовала себя неуверенно, словно человек, ощупью пробирающийся в темноте вслед за поводырем. Хаим неудержимо влек ее в неведомый мир сэра Гипюра, мистера Твида и мсье Креп-жоржета... Мария начала дышать чужим воздухом, полным тонких ароматов и опасно притягательным... Что скажет отец Алексей, когда узнает о ее внезапной поездке?

¹² Извините, у меня не очень хорошее произношение, я вынуждена отказаться от поездки.

Пароход ведомства складского акционерного общества, обрамленный по корпусу бело-снежной каймой палубных перекрытий, стоял у пристани, как филигранный сувенир. Марии в нем понравилось все: безупречная чистота, лакированные деревянные панели, которыми были облицованы стены, уютная каюта с голубоватой от белизны раковиной умывальника, шкаф с зеркалом в рост... Она согласилась бы жить в такой комнате всю жизнь!

Хаим расположился в соседней каюте. Раньше Мария не замечала, во что он одет, а тут оценила: серый приталенный костюм-тройка с широкими плечами (жутко дорогой, она теперь разбиралась в ценах!) сидел великолепно.

Мария ловила на себе восхищенные взгляды мужчин в кают-компании, где подписывали документы, и потихоньку привыкала. Хаим, занятый проверкой накладных и деловыми разговорами, почти не обращал на нее внимания, но вот раз за весь вечер посмотрел внимательно, и смешливые глаза вспыхнули будто с иронией... или померещилось? Она подивилась своим противоречивым эмоциям. Как умеет одно и то же тело, распрямляясь внешне, сжиматься внутренне? Не для «товарища» оделась по-новому, так зачем волноваться и думать, одобряет он или нет ее изменившийся облик?

Вопросы накатывали и отливали волнами, некому было ответить, да и не нужно, и некогда, – Хаим повлек на палубу.

Суетливый корабельный шум разорвал оглушительный рев сирены. Стало прохладно, Мария накинула плащ. Палуба гулко вибрировала под подошвами «лодочек». Празднично мерцали огоньки города. Все казалось нереальным, чудесным, несколькими днями ранее невозможно было это себе представить. Тревожно ворохнулось сердце: Клайпеда гасла, превращаясь в полосу мигающих звезд. Влажный ветер, пахнувший глубиной и йодом, густыми кусками пластал синий мрак за бортом.

– Пойдемте, – тронул Хаим за локоть. – На три часа опоздали с ужином из-за отплытия.

По коридору неслись аппетитные запахи. Хаим успел переодеться в тонкий свитер и спортивные брюки. Шепнул спутнице у приоткрытой двери камбуза:

– Смотрите, какой мастер!

Кок-детина, литовец с пшеничными усами, резал огурцы на обитом жестью столе. Огромной ручищей брал их сразу два, придавливал пальцами левой руки и рубил длинным ножом так быстро, что над огурцами серебристо засветился воздух, а сам нож исчез! Мария испугалась, как бы этот виртуоз овощного боя не порубил кружочками в салат собственные пальцы.

Помощник повара в длинном фартуке, совсем еще мальчишка, сгреб нарезку в эмалированный таз и одарил Марию ослепительной улыбкой:

– Приятного аппетита!

Хозяин камбуза приветливо кивнул:

– Добрый вечер, мадам! Вам тоже отдельные блюда, как господину Готлибу?

Прежде чем Мария вспомнила о гастрономических особенностях веры Хаима, он ее опередил:

– Нет-нет, Юргис, она будет есть со всеми.

Стол в кают-компании покрывала белейшая скатерть, у каждого прибора лежала чистая полотняная салфетка, в центре красовались тарелки со всевозможными закусками.

Несколько пар цепких глаз с любопытством уставились на них. Хаим представил Марию, познакомились: капитан, старпом, судовой врач, еще кто-то... Матросы ужинали в другом месте.

Улыбчивый поваренок водрузил на середину стола стеклянную салатницу величиной с добрых полведра. В ней красиво сочеталось зеленое с красным и... круглыми темно-красными сгустками!

– Консервированная черешня, – засмеялся Хаим, проследив за ее оторопелым взглядом. – Попробуйте, тут еще ананасы и мясо птицы.

«Ешь ананасы, рябчиков жуй», – вспомнила Мария стихи Маяковского. В студенческом кружке при Русском обществе передавали друг другу томик стихов, кто-то из литераторов исхитрился привезти его аж из самой Москвы.

Все, что доставлял к столу расторопный помощник кока, было необычайно вкусно: тефтели с запеченным картофелем, свернутые конвертиками блинчики, такие кружевные и тонкие, что сквозь них просвечивала сладкая творожная начинка. Янтарный напиток пенился в высоких фужерах, на усах и губах, мужчины пили литовское пиво и беседовали о политике.

Мария попрощалась со всеми до завтра.

– Вы изумительно готовите, Юргис, – сказала коку в дверь камбуза, – за неделю я, наверное, растолстею.

Его лицо расплылось в счастливой улыбке:

– О-о, мадам, вашей осиной талии полнота не грозит!

«Ну вот, напросилась на комплимент», – подумала Мария и, не без труда втянув живот перед зеркалом в каюте, обхватила пояс ладонями. Ничего! Плетеный ремешок платья держался свободно, и талия казалась еще тоньше из-за пышной юбки.

Кончился день, под завязку набитый радостными впечатлениями. Мария попробовала почитать роман Эмили Бронте, который взяла с собой, но коснулась головой подушки и тотчас унеслась в край грез.

Волны, плеща брызгами в нижние иллюминаторы, пели неумолчную колыбельную. Всю ночь качало девушку Балтийское море.

Утром болтанка стала ощутимее. Лежа на койке, Мария боковым зрением уловила, как что-то темное, длиной примерно с ладонь, выбежало из угла у двери и остановилось...

Крыса! Застыв в панике, Мария не могла заставить себя посмотреть на страшное существо с острыми зубами, цепкими лапками и голым хвостом. Край глаза отмечал: крыса все еще здесь! И не двигается...

В голову полезли сбивчивые мысли: крысы убегают с тонущего корабля... машины работают... Они работали и на «Титанике», когда...

Почему она не уходит?! Мария резко повернула голову, и страх, душащий горло, вылетел с выдохом облегчения: сапожная щетка мирно полеживала у двери.

Хаим постучал, призывая к завтраку, увидел бледное лицо девушки и забыл поздороваться.

– Вам плохо?

– Так, малость, – пробормотала она, тщетно пытаясь улыбнуться. – У меня, кажется, началась морская болезнь. Можно, я не пойду завтракать?

– Конечно. Вам лучше полежать.

Подождав немного, она выскочила в коридор, где плавали острые камбузные запахи, плотные, как туман.

– Достань-ка мне перечницу из рундука, – донеслась спокойная команда Юргиса поваренку, и сильно запахло чем-то невыносимо жирным. Кок с помощником умудрялись что-то готовить.

Мария зажала нос рукой. Желудок только что освободился от вчерашнего пиршества, но снова пришлось бежать в туалет. Боже, боже, вот как ощущают себя пьяные! Что за радость в поглощении водки, которая еще и пахнет противно? Опрометчиво вспомнился запах перегара, доносящийся от церковного сторожа.

«Ешь ананасы! Рябчиков жуй!» – злорадствовали зеркала, многократно отражая измученные глаза и хваленую осиновую талию.

В обед Хаим опять постучал:

– Не проходит?

Мария мотнула головой. Он принес сияющую гроздь синего винограда в тарелке, с таблеткой на краю.

– Виноград от Юргиса, а лекарство – от врача. Они тоже обеспокоены вашим самочувствием.

Вечером Хаим заглянул в дверь, бросил встревоженный взор на нетронутую виноградную кисть и предложил:

– Подышим соленым воздухом? Уже почти не качает. Разомнетесь и, может, нагуляете аппетит.

На выходе из каюты мягко взял под локоть, и Мария не возразила. Будешь тут возражать, когда ноги разъезжаются, будто железный пол намазан маслом! Отбросив сомнения, оперлась на крепкую руку кормчего.

– Так бывает со всеми, кто не освоился, а у меня просто выносливый вестибулярный аппарат, – сказал он, словно оправдываясь.

На юте¹³ от одного предмета к другому весело перетекали полоски моряцких тельняшек. Выполняя какую-то работу, матросы привычно подстраивались под движение судна. Ступали по-медвежьи вразвалку, привычным наитием чуя побегу волн, ловя их ритм – равные с волнами люди моря. По скользким железным ступеням легко взошел в рубку штурман, за ним, не прибегая к помощи поручней, поднялся старпом...

Мария кашлянула, чтобы не рассмеяться: представила, как двигается вот так же, с раскояченными коленями, заноса тело под немыслимым углом... «О-о, мадам, у вас, кроме осиной талии, такая бесподобная походка!»

Хаим водил Марию по палубе, рассказывая что-то о корабельных снастях. Острый водорез рассекал морской простор, под днищем падала в бездну сине-зеленая громада воды. Пылающее солнце медленно опускалось к кромке пунцового горизонта. Чудилось, сейчас эта раскаленная сковорода нырнет в медную зыбь и вскинется кверху клубы горячего пара, забурлят волны, прыскавая кипятком.

Ход одинокого судна казался неодинаковым в трех измерениях. Покатую спину моря за ним взрезал белый пенистый шрам – значит, пароход уверенно шел вперед. Если судить по морю с боков, он, тихо колеблясь, стоял на месте – такую иллюзию создавало неторопливое движение волн. А сверху над бескрайней пустыней плыли назад облака и, как на невидимой привязи, тянули корабль за собой.

– Надеюсь, не рассердится на нас морской царь, – с благоговением сказал Хаим.

– Вы о шторме? – со страхом спросила Мария.

– Всякое может быть, но пока мы идем по ветру.

В лицо летели прыгучие брызги. Хаим повернул к ней лицо, усыпанное алмазным бисером:

– Позанимаетесь со мной русским языком? Время в поездке скоротаем.

– Собрались научиться читать за несколько дней?

– Увы, я не гений, – усмехнулся он, – и, честно говоря, хотел просить вас побыть моей учительницей до осени.

– До осени? – она вспыхнула. – Нет, я, конечно, не отказываюсь... здесь, на пароходе...

– А после – как получится, – покладисто кивнул он. – Вдруг я окажусь неспособным.

Занятия не только скрасили путешествие, но и взбодрили Марию. Между письменными уроками «ученик» рассказывал о достопримечательностях европейских городов, в которых ему довелось побывать – о берлинском парке Зоо и унтергрунде – подземной железной дороге, о Коститюшн-хилл, красивейшей улице Лондона, берущей начало от Букингемского дворца и

¹³ Ют – кормовая часть верхней палубы.

достигающей Гайд-парка, где сгорело здание Всемирной выставки – знаменитый Хрустальный дворец.

А прошлым летом Хаим был на открытии Всемирной выставки «Искусство и техника в современной жизни» в Париже и слушал последний концерт Шаляпина. Весной певца похоронили на кладбище Батиньоль там же, в Париже... По городу Хаим едва пробежался за короткое время поездки. Собор Парижской Богоматери показался ему более фантазмагорическим и мрачным, чем на фотографиях...

– В Вильно есть храм, похожий на Нотр-Дам, – сказала Мария. – Собор Святой Анны. Говорят, Наполеон был так потрясен его красотой, что сказал: «Поставить бы на ладонь и перенести в Париж!»

– Желание императора почти сбылось, – засмеялся Хаим. – На выставке продавались разные сувениры, в том числе крохотные копии этого собора, как раз для ладони. Я видел их в лавках Литвы. Демонстрация тоски по старой столице и одновременно вызов полякам...

Раздел литовского искусства Хаима не впечатлил. Экспозиция состояла в основном из декоративно-прикладных изделий, а представленный в качестве крупной скульптурной работы бюст президента Антанаса Сметоны, спорящий размерами со статуей скорбящего Христа, показался некорректным.

Все страны-участницы постарались продемонстрировать свои особенности и величие. Хаим не смог просмотреть и половины технических разделов, быстро прошелся по экспозициям с автоновинками. Павильоны СССР и Германии, расположенные один против другого, впечатляли и каждый сам по себе, и в общем ансамбле.

Высоченный павильон Советского Союза поднимался в небо лестницей-пьедесталом грандиозной статуи «Рабочий и колхозница» из нержавеющей стали. Скульптор Вера Мухина, автор произведения, оказалась наполовину француженкой и училась у Бурделя¹⁴, о чем гордо писали парижские газеты. Искусствоведы назвали работу «шедевром XX века».

Эта лирическая манифестация большевистской пропаганды привела чувственных парижан в такой восторг, что ее провозгласили эмблемой выставки. Серпом и молотом сверкающая пара словно грозила геральдическому орлу со свастикой в когтях. Германский павильон, на котором была установлена скульптура хищной птицы, не уступал советскому по высоте. Сам Гитлер курировал проект стилизованного под готический замок сооружения...

Советский авторский коллектив был удостоен гран-при. Германия тоже не осталась без наград – золотую медаль, например, получил документальный фильм Лени Рифеншталь «Триумф воли» о съезде национал-социалистической партии на стадионе в Нюрнберге.

– Экспозицию Советов признали самой богатой, а самым дорогим ее экспонатом – географическую карту СССР. Больше двадцати метров изумительной мозаики – яшма, нефрит, аметист, опал, оникс, рубин... море поделочных камней и самоцветов!

– А я нигде, кроме Вильно, не была, – вздохнула Мария.

– Говорят, тот, кто не видел Любека, не видел мира. Времени у нас, к сожалению, мало, но уж в Старый город мы непременно наведаемся!

– Вы ездили в Любек раньше?

– Да, был два раза с отцом, еще мальчишкой. Название, чувствуете, славянское? Оно перешло «по наследству», в древности те места населяло племя славян. Любек – прекрасный... В Средние века он главенствовал в торговом Ганзейском союзе, куда входили двести городов от Лондона до Новгорода, и имел статус вольного города.

– Что значит «вольный город»?

¹⁴ Бурдель, Эмиль Антуан (1861–1929) – французский скульптор, один из крупных монументалистов своего времени.

– Любекский городской совет вел самостоятельную торговую политику, а пятнадцать лет назад принял собственную конституцию. Она утверждала право демократических свобод. Любек, можно сказать, был отдельным маленьким государством.

– Почему – был?

– Первого апреля прошлого года, после восьми веков независимости, город ее потерял. Гитлер включил Любек в состав прусской земли Шлезвиг-Гольштейн.

Помолчали, и Хаим невесело рассмеялся:

– У фюрера, видно, привычка – издавать первого апреля особенно дурацкие декреты и постановления. Однажды в начале своего правления он первого апреля объявил немецкому населению приказ игнорировать еврейские магазины. По всей Германии висели плакаты: «Кто покупает у еврея – тот враг народа». А вышло наоборот – немцы проигнорировали приказ... Но простите, я уклонился в политику. Так вот, во время расцвета Ганзы сбежавший откуда-нибудь раб становился свободным, если ему удавалось прожить в Любеке один год. Город свято соблюдал свое право и торговую честь. Когда на купеческие караваны нападали пираты, торговый флот мгновенно превращался в военный и давал отпор пиратским кораблям...

Глава 8

Город, потерявший свободу

Немецкие военные корабли, монументально стоявшие на рейде у отдельного причала, ничуть не напоминали романтические средневековые парусники и вносили в веселую суматоху гавани какую-то зловещую ноту. В проливе толкались баржи, сухогрузы, траулеры и другие суда. На пристани вздымался лес кранов, по набережной сновали грузовые машины, суетились рабочие, моряки, служащие порта и вездесущие мальчишки; кишащий людской муравейник мельтешил, трудился, бездельничал и гомонил на разных языках.

Борт парохода прошуршал о деревянную стену пирса. Спрыгнув на него, юнга с поваренком поволокли швартовый трос к чугунной тумбе. Загремел цепями трап, и к судну заспешили пограничники, таможенники и портовые чиновники. Огромные крюки кранов замотались в трюм и обратно, подхватывая поддоны с мешками и ящиками. «Майна – вира, майна – вира!» – кричали докеры в касках. Разгрузка завершилась только поздно вечером.

– В Клайпеде провозились бы вручную куда дольше, ведь и грузились две с лишним недели, – сказал Марии усталый, довольный работой Хаим.

С утра день выдался солнечный, но не жаркий. Мария почувствовала, как к ногам возвращается уверенность. Шаги стали легкими, словно с тела спал невидимый груз. Обретшие чуткость ступни ощущали под тонкими подошвами туфель камни мостовой, гладко отполированные многими поколениями пешеходов... Ах, какое это, оказывается, счастье – ступать по твердой земле! И даже ехать, если это – наземный транспорт. Автобус.

Мимо по реке шли пассажирские катера и грузовые баркасы. От поднятых ими волн тихо покачивались белоснежные яхты, пришвартованные к причальной стенке – ожидался праздник ежегодной регаты в Любекском заливе. Зеленая набережная тянулась далеко вперед, сбоку празднично сочеталось красное с белым – кирпичные и оштукатуренные барочные фасады, мощные по сравнению с прячущимися за ними домами. Тесные шеренги многооконных зданий, узкие остроконечные крыши, симметричные фонари и стриженные «под овечку» деревья – все было каким-то камерным и театральным, не городок, а картонажные декорации к сказкам братьев Гримм. Вдали, соперничая друг с другом в высоте, четко вырисовывались медные шпицы соборов.

По Пуппенбрюкке – «Мосту кукол» – направились к Старому городу пешком. Приземистые статуи богов-покровителей на перекрытиях моста и впрямь казались кукольными. Озорной художник подшутил над римским богом торговли, а может, над людьми: обнаженный и вальяжный, но в шляпе, Меркурий был непочтительно повернут к прохожим спиной. Хаим, дурачась, приладил к скульптуре свой портфель, и так к месту пришлось, что хоть оставляй! Рассмешил Марию и всех, кто шел с ними по дороге.

Возле наружных городских ворот Хольстентор, остатков некогда могучего бастиона, бок о бок стояли старинные корпуса с рыжими от солнца кровлями – соляные склады.

– Такие красивые – для соли?

– Соль была основным товаром любекских купцов. Они обменивали ее на руду, пушнину и рыбу у торговцев тех стран, где нет соляных месторождений, и выручали немало. Благодаря этому «белому золоту» город разбогател и расширился. Соль добывалась недалеко, под Люнебургом. Специально для ее сплава был прорыт канал, который соединил Траве и Эльбу. По искусственному каналу Эльба – Любек в центр Европы до сих пор идут товары из всех стран Балтии, а сюда поступают встречные грузы.

Башни-близнецы Хольстентора, сложенные из красного и черного глазурованного кирпича, соединял нарядный фриз. Смотровые оконца, а может, бойницы хмурили навесы-веки на шатровых башенных округлостях. Над въездной аркой сияла белая надпись «Concordia domi

– *foris* рах»¹⁵. Мудрый девиз... В старину в крепости держали пушки, воины несли службу, но ни орудиям, ни людям ни разу не пришлось выстрелить, хотя мир вокруг во все времена не был безмятежным.

За воротами открывался Старый город – остров в объятии рек Траве и Викениц. Ступив на мощеную выпуклость Рыночной площади, Мария ахнула: никогда не видела она более слаженного и в то же время разноликого архитектурного ансамбля! Причудливая смесь готики и Ренессанса, суровых башен и смелого декора, мир карлика Носа и крошки Цахеса выросли перед нею. Лукавое зодчество являло из глубины столетий разумное соседство величия, сказочной красоты и практичности, выверенное до мелочей.

Перед южной стеной знаменитой ратуши выделялась галерея, сложенная из песчаника, с гербами ганзейских городов. Сверху фасад украшали все те же излюбленные башни и два круглых сквозных отверстия.

– Окна ветра, – пояснил Марии добровольный экскурсовод. – Чтобы вылетел вон, не успев снести по пути стену.

Летний ветер носил над площадью смешанные запахи липы, роз – багровых, белых, кремовых, в изобилии растущих повсюду, жареных сосисок и специй из уличных кафе и еще чего-то тонкого, очень нежного, похоже, орехового. Прежде чем увидеть гостеприимно распахнутые двери магазина-кафе «Нидереггер», Мария обостренным недавней морской болезнью нюхом уловила, что соблазнительный аромат струится оттуда. Хаим уже говорил ей об этой семейной кондитерской фирме, производящей прославленные марципановые конфеты.

– Ах да, мы же еще не завтракали, – спохватился он.

Мария задержалась у витрины – глаз не могла отвести от гарнированных статуэтками тортов, предложенных на заказ. Каких только не было – свадебные с влюбленной парочкой, поздравительные в цветах и херувимах, «регата» с корабликом, «любекский» с символом города Хольстентором!

При входе их тотчас окутали, затопили потоки теплого, оглушительно терпкого воздуха, – сотни оттенков ванильных, лакричных, кофейных ароматов, от приторных до едва уловимых... Невероятное сладкое царство! По-детски наивное, искристое... как Рождество, – поняла она, увидев Щелкунчика, свесившего с прилавка тощие ножки. Над гофмановским героем возвышался на белом коне святой Николай в шапке с бубенцами. В руке длиннородый покровитель денежных воротил держал мешочек с торговым знаком – тремя золотыми шарами. Сбоку, подняв кверху прут, которым родители наказывают неслухов, топал смешной и совсем не сердитый эльф Рупрехт.

Гномы, феи, русалки, львы, поросята, собачки... Все эти забавные фигурки были вылеплены из марципановой массы. Даже темно-розовые махровые пионы в ярких горшочках на подоконниках оказались сделанными из десертного «пластилина». Желающие могли купить цветные батончики и попробовать себя в мастерстве лепки. А не получится, так съесть изделие, ведь главное достоинство марципана в том, что вкуснее его нет ничего на свете!

Очарованная этим маленьким путешествием в чье-то сказочное детство, Мария вполуха прослушала историю «пришествия» лакомства в Любек.

– ...и тогда они нечаянно изобрели рецепт пасты из тертого миндаля и сахарной пудры.

– Это чудо делается так просто? – удивилась Мария, невольно жмурясь от удовольствия. Обсыпанные хрустящей крошкой нежные шарики – венец утонченных вкусовых ощущений – таяли во рту.

– Основа, кажется, одна, а секрет в технологии и добавках – ароматических маслах, сиропах, винах. Есть марципановые конфеты со вкусом трюфелей, рома, фруктов и разнообразные

¹⁵ «Равновесие в доме – мир вокруг» (лат.).

марципановые ликеры. Семья Нидереггеров несколько столетий изобретала рецепты и хранит их в строжайшей тайне.

Выйдя из душистого магазина, вернулись к ратуше. Роскошная лестница с эркером, шедевр сама по себе, прихотливо разделяла строения средневековой резиденции, красный кирпич сменялся зеленым. На площадь выходила меднолобая, с фигурной надстройкой, беседка.

– К одному из ратушных залов ведут две двери – высокая и с низкой притолокой, – рассказывал Хаим. – Там городской совет Ганзы решал насущные вопросы и споры, принимал законы и судил правонарушителей. Приговор можно было не оглашать прилюдно. Народу становилось понятно, виновен ли человек, по тому, из какой двери он показался. Если из высокой – значит, оправдан. Если из низкой... Человеку приходилось опускать голову. Он выходил, согнувшись. А дальше его выставляли на всеобщее обозрение. Застегивали на нем железный ошейник и наручники, прикованные цепями к Кааку – тому, что вы приняли за беседку. Теперь Каак выглядит безобидно, но неизвестно, сколько раз он омывался кровью... На самом деле это – позорный столб. Торговые ряды разбегались отсюда во все стороны. Горожане и гости забрасывали осужденных тухлыми помидорами и камнями.

– За что карали так жестоко?..

– Разве жестоко? – засмеялся Хаим. – Из всех наказаний Средневековья это было, пожалуй, самым легким. У человека все-таки был шанс остаться живым... А карали мошенников, воров, блудниц, бунтарей и прочих. За небольшие, в общем, грехи.

– Я читала, что в России к позорному столбу на эшафоте перед отправкой на поселение ставили политических преступников. Но какие же бунтари могли быть в свободном городе?

– Ну, кто-то, возможно, не соглашался с политикой свободного рынка.

– Значит, были и несправедно осужденные.

– Там, где дело касается политики, они всегда есть...

– Как ужасно, – содрогнулась Мария. – Люди вокруг приценивались, покупали, пили пиво, ели сосиски и сласти... а человек стоял под солнцем, под дождем и снегом, на ветру... Долго?

– Это решал суд. Я читал, что Даниэль Дефо был осужден на неделю.

– Почему?!

– Видите ли, «отец» Робинзона Крузо состоял в религиозной секте, неугодной правящим кругам. Вышло распоряжение властей о борьбе с нею, и начались погромы. Писатель сочинил пасквиль против правительства, за что и был приговорен к позорному столбу.

– Но ведь народ его... не убил?

– Что вы, вместо камней «преступника» забросали цветами! Властям пришлось срочно снять приговор. А Дефо написал «Оду позорному столбу» – о том, что стоять у него удастаиваются лучшие люди... Но я вижу, Каак произвел на вас угнетающее впечатление. Пойдемте на площадь Коберг, там тоже есть на что посмотреть, а если повезет, то и послушать...

Портовый город не мог обойтись без церкви Святого Якоба, покровителя мореходов, корабельщиков и рыбаков. Из храма слышалась музыка. Ни Хаим, ни Мария не осмелились войти, остановились у приоткрытой двери.

Орган играл где-то у входа. Нет, не играл – он пел песнь волн и морского ветра, и песнь понемногу заполняла всю церковь. Что-то глухо ревело и грохотало в балках потолка, мощно гудело в стенах, отдавалось колокольным звоном в башнях; величественные звуки поднимались к небу и рушились в зеленую темень, на чудовищное дно, подхватывая и унося с собой то ли завороченные души, то ли стонущие корабли...

Свободное море славilo вечность. В ней тонули леса, горы, города с их политическими режимами, рыночными площадями, ратушами, Кааками... Песнь летела с гребня на гребень, металась в высоких пределах, рокотала далеко, почти гасла и вновь приближалась страшным

нарастающим громом, покуда не разбилась о стены бушующими аккордами брызг. Но затихла не сразу – заструилась, плеснула, закапала – кап-кап... кап... Соленые слезы! Мария плакала.

Больше никуда не хотелось идти, а только стоять и слушать море. Но орган смолк, и уставшая церковь задремала. Пиано, пианиссимо, ш-ш-штиль...

И точно продолжением сонного шепота прибой было название ступенчатого дома морского общества Шиффергезельшафт, который еще с любовью зовут «надежной гаванью моряков». Здесь, в содружестве флота и торговли, зыбкие соглашения превращались во французские вина, польское зерно и норвежскую треску; здесь прощупывался партнерский фарватер для прохода финского леса, любекской соли и шведского железа. Морские коммерсанты и теперь, сидя за дубовыми столами кабака любимой «гавани» за штофом с люттом – пивом пополам с напитком покрепче, вели переговоры о сбыте партий национальных товаров... А Хаим договорился встретиться с представителем английской фирмы мистером Дженкинсом на нетрадиционной территории – в тишине и покое одного из «домашних» ресторанчиков портового района Травемюнде, поэтому путники повернули обратно.

Взгляд Марии без интереса скользил по стеклу магазинных витрин. Ткани и платья, конечно, были изумительные, но не по средствам. Она украдкой оглядывала идущих навстречу женщин, с удовлетворением отмечая, что одета вполне прилично. А все же задержалась у одного универмага.

Прости, святой Якоб, за думы о мелочах жизни после твоей потрясающей песни! Мария зашла в магазин. Ее привлекли не струящиеся до полу вечерние платья с жакетами и меховыми накидками, возвращенными капризной модой из нафталина сундуков. Она неожиданно решила купить купальный костюм. Обменных денег должно было хватить.

Раздельная итальянская модель телесного (ужас!) цвета заставила Марию покраснеть. В куче кинутых на прилавок вульгарных купальников выискался французский. Из страны привыкших эпатировать публику кутюрье, но на удивление скромный, синий в полоску, и вырез спереди неглубоким треугольником. Но посмотрела на цену... ага. Как зашла, так и вышла.

Подождала Хаима на улице. Он остался – что-то подбирал в подарок сестренке. Видно, нашел. Выбежал радостный, с заметно распухшим портфелем, выбросил оборванные ценники в аккуратный мусорный ящичек с надписью «Любовь к чистоте – черта арийской нации». Такие ящички попадались там-сям не реже розовых клумб.

– В Германии нынче такая система штрафов, что плюнешь ненароком и лишишься обеда, – усмехнулся Хаим.

– Правильно, нечего плевать.

Справа, на углу узкой улочки, из окна дома раздавались дребезжащие звуки саксофона. У входа под навесом мигали разноцветные фонари. Облокотясь о перила, о чем-то беседовали женоподобный молодой человек и две девушки в декольтированных платьях. Он, как веером, помахивал стопкой ярких журналов, они курили и стряхивали пепел на мостовую.

– Ура, есть еще люди, которым плевать на штрафы! – весело шепнул Хаим.

– Почему фонари горят? День ведь.

– Вероятно, хозяева публичного дома не экономят на электричестве...

– Это публичный дом?! – охнула Мария.

– Любек – моряцкий город. У нас в Клайпеде тоже есть такие заведения, только без фонарей и победнее. Сейчас тут безлюдно, вот ночью...

Мария мельком глянула на лица девушек – раскрашенные, бледные, словно неживые. Стреляя в ее сторону плутовскими глазами, молодой человек вихляющей походкой устремился к Хаиму.

– Господин, не желаете ли приобрести журнальчик за символическую цену? Может, и фрейлейн развлечется... Прелестный журнальчик, не пожалеете, – он добавил какое-то непо-

нятное слово, похоже, на местном аргю, и раскрыл издание. Мария всмотрелась и, отшатнувшись, в ужас поспешила прочь. На развороте было... там было такое!

– Нет, спасибо, – донесся голос Хаима, сопровождаемый женским смехом, а продавец порнографических журналов снова залопотал, жеманно шепелявя:

– Герр командиренд, не желаете ли...

Мимо промчался юноша с красным, перекошенным от злости лицом. За юношей пробежали дети, одетые в темную форму с молниями на левом рукаве. Хаим догнал свою спутницу.

– Отважный, – проговорил он с усмешкой.

– Вы о ком?

– Да об этом, – дернул он подбородком в сторону хохочущего с девицами молодого человека. – Днем им скучно, вот и развлекаются. В городе никак не могут привыкнуть к потере свободы. Жива еще поговорка: «Любекский воздух – свободный воздух»... Командир пимпфов¹⁶ наверняка доложит о приставахе куда надо. А если нет, донесет кто-нибудь из мальчишек.

Рядом с ратушей с северной стороны Рыночной площади стоял очень высокий храм – контрфорсная краснокирпичная базилика с ярусным обрамлением. Ее голубоватые шпили терялись в небе.

– Мариенкирхе. – Хаим улыбнулся. – Церковь вашей святой тезки... Говорят, собор строили сто лет. Видите, рядом с его внутренним двором стоит белое здание? В этом доме прошло детство Томаса Манна. Дом, город и церковь описаны в его романе «Будденброки»: «За окнами, на другой стороне улицы, облетала уже совсем пожелтевшая листва молодых лип, которыми был обсажен церковный двор; ветер завывал среди могучих стрельчатых башен и готических шпилей Мариенкирхе, моросил мелкий дождь...»

– У вас хорошая память.

– Подростком я зачитывался Томасом Манном и невольно кое-что запомнил.

– Кому дом Маннов принадлежит теперь?

– Наверное, городскому Совету, – пожал Хаим плечом. – Во всяком случае, не пустует.

– Я знаю, писатель с семьей уехал в Швейцарию. А как было бы хорошо, если бы он остался жить в нашей Ниде!¹⁷

– Да, и мы гордились бы нобелевским лауреатом¹⁸, как продолжает гордиться им Любек, несмотря на то что книги Томаса и Генриха¹⁹ немецкие студенты жгут в кострах по всей Германии.

– Жгут?..

– Так же как книги Фейхтвангера, Цвейга, Эйнштейна, Фрейда, Уэллса и многих других. Студентов из гитлерюгенда к этому варварству призвал сам министр просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс. «Наступает великая нацистская эра, – сказал он им, – пусть отжившая история озарит ее путь огнем!»

Хаим помолчал, рассеянно глядя на складчатые своды собора.

– Интересно было бы посмотреть, конфисковано ли что-нибудь из экспозиций здешнего Музея искусств, а если нет – полюбоваться в последний раз. Увы, не успеем... В прошлом году после Парижа я рискнул заехать в Мюнхен к другу-художнику. Несмотря на то что в Германии везде висят транспаранты: «Евреям въезд запрещен», не без некоторых неприятностей,

¹⁶ Пимпфы – члены «Дойче юнгфольк» – младшей возрастной группы (мальчики от 10 до 14 лет) военизированной молодежной организации гитлерюгенд.

¹⁷ Нида – курортное местечко на берегу Куршского залива, в 45 км от Клайпеды, где Т. Манн владел земельным участком с домом.

¹⁸ В 1929 г. Т. Манн получил Нобелевскую премию по литературе за романы «Будденброки» и «Волшебная гора».

¹⁹ Генрих Манн (1871–1950) – писатель, брат Томаса Манна (1875–1955). Оба выступали в своих произведениях с резкой критикой шовинизма.

но пропустили. В Мюнхене как раз открылся Дом германского искусства. Друг сказал, что Гитлер лично пожелал присутствовать при отборе картин. Все знают, что фюрер, сам художник-самоучка, ненавидит модерн. Жюри не посмело возразить, и тысячи произведений были изъяты. Я мечтал увидеть полотна Матисса, Кандинского, Пикассо, многих других, и огорчился... Но я увидел. К знаменитым модернистам фюрер проявил «благосклонность». Рядом с их живописью, без авторства и названий, он приказал поместить работы душевнобольных людей, чтобы немецкий народ мог сравнить и убедиться в безумии всякого авангарда. А в залах висели огромные транспаранты: «Таковыми евреи видят арийцев!», «Так евреи издеваются над нашей природой!»

Хаима как прорвало. Спокойное лицо преобразилось – на скулах обозначились желваки, глаза горели. Он говорил со страстной горечью, и Мария подумала, что наблюдает его в редкую минуту откровенности. Ей передалось чувство опасности, дамоклова меча, занесенного над творческой мыслью и мировой культурой... над Германией и Любеком... над личностью, а может быть, человечеством.

– Если ваш друг – немец, значит, не все немцы разделяют идеологию своего вождя?

– Конечно, не все! – воскликнул Хаим. – Возьмите тех же братьев Маннов! А священники?! Пока мы тут с вами стоим, в любекской тюрьме томятся трое католических пасторов. Они посмели выступить против церковной программы руководителя внешней политики НСДАП²⁰ Альфреда Розенберга. В ней предписано снять кресты с храмов и заменить их свастикой. Библию же велено запретить, не издавать, не распространять больше... В алтарях вместо нее должна лежать «Майн кампф»!

– Но церкви других религий, что станет с ними?

По лицу Хаима пробежала тень.

– Несложно перевести эту книгу на разные языки и заменить ею кораны и талмуды.

– Не может быть!

– А еще проще – заменить народы...

Мария вздрогнула: будто в подтверждение его слов в капелле Мариенкирхе без всякого вступления грянул тревожный хорал. Мощные звуки отдались благовестом по всему поднебесью – колокола храмов откликались один за другим.

– Встреча с мистером Дженкинсом! – прокричал Хаим сквозь гулкий перезвон. – Мы опаздываем!

Они побежали.

– Прошу прощения за мой нечаянный спич, – покаянно и торопливо обронил Хаим позже, на подходе к намеченному ресторанчику в Травемюнде. – Я, кажется, вас напугал.

Он остановился и снова заговорил взволнованно, сумбурно, с напряженными паузами, словно пытаясь отыскать более точные слова и не находя их.

– Видите ли, я... проснулся совсем недавно... То есть, не от сна, – от той жизни, которую вел до сих пор... Вероятно, поэтому воспринимаю окружающее так остро. На самом деле я мало думаю о политике. Политика меня возмущает – и всё... иногда. Потому что стремится вторгнуться в мой теперешний мир. Лезет в него холодными щупальцами, ищет, как бы ужалить... вспрыснуть свой яд. Мой сон был вызван действием политики. Но я нашел противоядие и освободился. – В глазах Хаима появилось какое-то странное выражение. – Отец любит повторять: «Нам говорят: «Согнись и выйди», а мы не сгибаемся, хотя всегда держим ноги носками к двери». Мне кажется, что вот теперь я выхожу в высокую дверь, туда, где светло. Никто не заставит меня согнуться и выйти в низкую. Почему я должен сгибаться, если ни в

²⁰ НСДАП – Национал-социалистическая рабочая партия Германии (National-Sozialistische Deutsche Arbeiterpartei).

чем не виноват? Я сжег собственные корабли, не чужие... так перед кем мне чувствовать себя *infra dig*?²¹ – Он коротко махнул ладонью: – Не знаю, как объяснить!

Мария тоже не знала, что ответить, и надо ли отвечать, она понимала его душой, но слов не находила. И в его словах чувствовалась недоговоренность, неясность, ее удивило сравнение пробуждения ото сна с выходом в двери зала суда в любекской ратуше. Что он имеет в виду?

Она спросила:

– Вы проснулись, вышли в высокую дверь – и что? Чего вы теперь хотите?

Он вздохнул с облегчением, будто ждал такого вопроса.

– Быть человеком. Сказано громко, но это так. Просто – человеком, без унижения и страха. Равновесие во мне – мир вокруг. Лучше не скажешь!

– Девиз свободы... Жаль, что у Любека ее отняли.

– Пришла неволя, и равновесие пошатнулось. Даже не пошатнулось, скорее, перевернулось, но никто этого почему-то не замечает. Люди, ни за что осужденные терпеть преступные законы, идут и идут в низкую дверь, а ими с Каака повелевают сумасшедшие, и весь мир сходит с ума... Первое апреля угрожает каждому, и в любой день.

²¹ Ниже своего достоинства (*лат.*).

Глава 9

Стреляный воробей мистер Дженкинс

Ресторан, впрямь по-домашнему уютный и живописный, напоминал таверну. Двадцатисвечовые электролампы в желтых плафонах давали мягкий медвяный свет. Сквозь морилку и глянец полировки на массивных дубовых столах и скамьях красиво проступала естественная текстура дерева. На стенах, обшитых ореховой плиткой, золотились гирлянды репчатого лука и висели с искусно продуманной небрежностью яркие медные сковороды разной величины.

Посетителей было немного: юная пара, важного вида старик с растрепанной бородой, еще двое мужчин в форме СС о чем-то приглушенно спорили за угловым столом. Одному чем-то не понравился Хаим. Досадливо кривясь, штурмовик привстал и что-то процедил сквозь зубы, но второй потянул его за рукав. Они снова увлеклись спором.

– Без двух минут пять, – Хаим взглянул на круглые настенные часы, не замеченные Марией вначале среди медно-лукового изобилия: – Время фэйф-о-клока. Надеюсь, наш англичанин вежлив, как король.

Едва он это сказал, в зал, шумно отдуваясь, вкатился хорошо упитанный, румяный человек лет примерно тридцати пяти, с черной папкой под мышкой. Осмотревшись, толстяк ринулся к Хаиму.

– Добрый вечер! Я и есть тот самый Самуэль Алан Дженкинс! А вы, стало быть...

– А я, стало быть, тот самый Хаим Готлиб.

Мужчины пожали друг другу руки, Хаим представил Марию, и англичанин бухнулся на скамью рядом с ней напротив литовского коллеги.

Он был полной противоположностью худощавому джентльмену с пуританскими манерами, которого Мария себе представляла. Румянец на его мясистых щеках при ближайшем рассмотрении оказался мелкосетчатым и нездоровым. Не нужно быть сотрудником Скотленд-Ярда, чтобы вычислить пристрастие к горячительным напиткам, обильной еде и склонность к сердечно-сосудистым заболеваниям. Длинная желтая челка косо падала на лоснящийся лоб, под носом-пуговкой смешно топорщился соломенный пучок усиков а-ля фюрер. Цепкие голубые глазки внимательно и не без удовольствия оглядели Марию.

– Хорошо, что вы будете переводить! Мой немецкий оставляет желать лучшего! Но я собираюсь взяться за него, да, собираюсь!

Раскатисто-прыгучий голос, с ударным восклицательным обертоном на концах фраз, очень к нему подходил.

– Еще годик – и я стану лаять на языке рейха не хуже этих ручных собак! – проговорил мистер Дженкинс радостным шепотом, бросив на эсэсовцев настороженный взгляд, и выставил перед кельнером растопыренные пальцы: – Десять минут! Всего десять минут, потом будем ам-ам! Ферштейн?

Тот согласно кивнул и отошел к подозвавшим его штурмовикам.

– Уф-ф, наконец-то они убралась! – Англичанин вытер салфеткой вспотевший лоб. – Эти чернорубашечники меня нервируют! Сегодня трое таких же молодчиков остановили меня прямо на вокзале и ни с того ни с сего потребовали документы!

Представитель лондонской фирмы действительно был пунктуален по-королевски. Деловое совещание длилось ровно десять минут. Экспорт, рынок, литы²², копченный угорь; налоги, фунты стерлингов, бочковая сельдь...

²² Лит – литовская валюта.

Мария переводила автоматически. Придирчиво следя за произношением, она почти не вникала в содержание переговоров. После заключения предварительной сделки готовые официальные бумаги были прочитаны на обоих языках, и мужчины поставили подписи.

– Лышу себя надеждой, что мы с вами еще встретимся за столом переговоров, – сказал мистер Дженкинс Хаиму, впихнув свою часть бумаг в папку. Весело подмигнул Марии: – Скука с нами, коммивояжерами, да? Говорим только о трех вещах: сбыт, сбыт и еще раз сбыт! Правда, не всегда в таком порядке, – он хохотнул, довольный своей шуткой. – Ах, служба, служба! Перефразируя Декарта: «Я продаю, следовательно, существую»! Первый контракт с плеч долой, завтра еще два в Шиффергезельшафте, и – гудбай, Любек! А теперь отдадимся прелестям здешней кухни!

Взгляд в меню заставил англичанина сокрушенно простонать:

– Цены! Какие несимпатичные цены! – Обшлага рубашки на вздетых вверх руках задрались, демонстрируя верхнюю часть запястий, густо поросшую белесым волосом. – Как в гринвичском «Трафальгаре»! Но «Трафальгар» о-ля-ля какой р-ресторан, – пропел он, грассируя, – а это – что? Забегаловка, – и щелкнул пальцами: – Бой! Гарсон! Герр обер, сюда!

Зеленый салат с мясом криля и тушенная в грушах грудинка выглядели очень аппетитно. Марии не доводилось бывать в ресторане, она и в хорошем кафе обедала всего однажды с подругами по случаю окончания училища. Но в «Пушкинке» ее обучили всему, чтобы не ударить в грязь лицом даже на королевском приеме.

Хаим взял себе фрукты и брусничный морс.

Мистер Дженкинс целиком отправлял в рот крохотные волованы с гусиным паштетом и, запивая их любекским бордо, продолжал болтать между мощными глотками:

– Дубовые бочки придают этому французскому вину восхитительный вкус! Надо будет отправить бочоночек к себе в Клапхэм²³. А вы, мистер Готлиб? Вы что – совсем не едите и не пьете?

– Нет аппетита, – выдавил Хаим и вымученно улыбнулся. Лицо его посерело. Он, кажется, не очень хорошо себя чувствовал.

– А-а-а! Понимаю! Табу! Вера не позволяет, – англичанин понизил голос. – Ваши бегут из Германии. Страшно читать передовицы «Таймс», так и ждешь какого-нибудь военного подвоха. Но люди никогда не знают по-настоящему, что происходит. Большинство официальных сообщений состоит из смеси правды и лжи, сложно отделить котлеты от мух... О, я – стреляный воробей, все насквозь вижу! Политики ориентируются на то, во что хочет верить народ, и ведут двойную игру. Можно только догадываться, что в мире пахнет войной... Мой отец в свое время сражался с немцами. Рассказывал, как однажды под Рождество наши солдаты сошлись с ними на демаркационной полосе и играли в футбол.

Он принялся энергично терзать ножом лангет.

– Ну и кто выиграл? – спросил Хаим.

– Война! Отца давно нет, а я не помню – кто. На следующий день они уже снова убивали друг друга, и в этой «игре», как вы знаете, продули немцы. Но надо признать, Гитлер сумел поднять страну с колен. Грандиозная, динамичная личность! Германия вышла победителем из экономического паралича. Фюрер увеличил производство, ликвидировал безработицу, у них смертность куда ниже нашей, а как процветает внутренний туризм – это надо видеть! У любого мелкого клерка, любого рабочего есть право отгулять свой отпуск на великолепном лайнере! А какое движение на Курфюрстендамм²⁴, и все машины новые – налицо благосостояние народа! Бедность забыта, на одежде не видно заплат! Возьмите хотя бы Любек – здесь всегда было полно попрошайек, нынче же я не заметил ни одного!

²³ Клапхэм – пригород Лондона.

²⁴ Курфюрстендамм – крупная автомагистраль Берлина.

– А лишение гражданских свобод?

– Чего они стоят, если человек живет плохо? – отмахнулся мистер Дженкинс. – Цель оправдывает средства! Да и что значат интересы одного против интересов общества? Люди, как все биологические особи, зависят от инстинктов, а свобода – штука сомнительная. Животные прекрасно чувствуют себя в зоологических парках, где их кормят и пестуют. Свобода чужда естеству, в том числе человеческому. Если человеку нечего есть, он не станет вопить: «Свободу мне, свободу!» Нет, он будет умолять: «Дайте мне хлеба!» Лишь крезы могут позволить себе роскошь думать о свободе, но и они подневольны своему богатству. Лидеры нации зависят от нации. Тут все взаимосвязано. Не нравился бы Гитлер народу, народ бы его не потерпел. А зачем скидывать правителя, каждому в стране давшего хлеба и зрелищ? Права на свободу – пустой звук! Пф-ф! Глаза, смотрящие в сторону свободы – голодные глаза! Ничего лучше кризиса не излечивает от желания быть свободным, и слава тому, кто заткнул пасти голоду и нищете!

– Вот не ожидал, что англичане завидуют немцам и вместо: «Да здравствует король!» готовы кричать: «Хайль Гитлер!» – съязвил Хаим.

– Мы? Завидуем?! – мистер Дженкинс расхохотался и вытер салфеткой выступившие слезы. – Великобритания – вдумайтесь в само название, друг мой! – великая страна, ее невозможно сравнить ни с какой другой! Британская империя была первой «владычицей морей»! Мы имели свой парламент уже тогда, когда все остальные еще раздумывали, на какой цвет кожи им поменять шкуры... Англичане открыты миру и не впадают в ужас при виде желто-, черно- и краснокожих. Расовый ренессанс невозможен так же, как невозможно представить, что потомки баронов подчинятся потомкам варваров. Хотя кто-то мне говорил, будто фюрер уверен в едином арийском происхождении немцев и англичан... Но мы – гераклы, а не геро-страты, и понимаем: нацизм не меньшая угроза для будущего, чем большевизм. С большевиками у нас не может быть ничего общего, «Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись»²⁵. Что же касается нацизма и, в частности, Гитлера, то национальный вопрос, конечно, слабая его сторона. Да, он антисемит... Но у кого из нас нет слабостей?

Мария старалась переводить тихо, чтобы разговор не привлек внимания работников и клиентов ресторана, хотя кто-нибудь из них мог знать английский. Она едва поспевала за бойким на язык «потомком баронов», а он все говорил и говорил.

– ...однако будьте же справедливы и отдайте ему должное – Германия титаническими шагами идет к прогрессу! Ведь что движет развитием государства, как не экономика?

– Перевооружение вермахта грозит вот-вот подорвать германскую экономику, – возразил Хаим. – Экономика неотделима от политики, а большинство прогрессивных деятелей мира осуждает гитлеровский режим.

Англичанин укоризненно покачал головой.

– Ай-яй-яй! Вам надо выучить английский язык и читать «Таймс»! Фюрера, к вашему сведению, поддерживают министр Иден²⁶ и драматург Шоу²⁷, с восторгом отзывается о Гитлере исследователь Гедин²⁸, а он «ваш», между прочим! Да что я говорю – римский кардинал²⁹, иерусалимский муфтий³⁰ – главные сторонники Гитлера! Без одобрения рейха Ватикан теперь и пальцем не шевелит!

²⁵ Строчка из стихотворения Р. Киплинга «Запад и восток».

²⁶ Энтони Иден (1897–1977) – министр иностранных дел Великобритании (1935–1938).

²⁷ Джордж Бернгард Шоу (1856–1950) – английский драматург, один из основателей остросоциальной пьесы-дискуссии.

²⁸ Свен Андерс Гедин (1865–1952) – шведский путешественник, первооткрыватель Трансгималай, писатель, общественный деятель; на 1/16 еврейского происхождения, чем он гордился.

²⁹ Кардинал Пачелли (1876–1958) – после интронизации – папа римский Пий XII (1929–1939).

³⁰ Мухаммад Амин аль-Хусейни (ок. 1895–1974) – муфтий Иерусалима (1921–1941), лидер арабских националистов в Палестине.

В горле мистера Дженкинса опять заклокотал кудахчущий смех.

– Не кто иной, как наш «да здоровствует король» Эдуард³¹ поднимал руку в «Зиг хайль!» Из его дружбы с Гитлером, возможно, вышел бы толк, если б наш монарх не пожелал жениться так опрометчиво... странный человек!

– Почему – странный?

– Если честно, эта его Уоллис Симпсон отнюдь не красotka. Длинноносая, тонкогубая жердина, два раза замужем! Не свежачок, так сказать! А ведь чем-то угодила, стала герцогиней Виндзорской! Говорят, хороша в постели...

Мария возмущенно замолчала, и мистер Дженкинс, сообразив, что наговорил лишнего, поспешил исправиться:

– Аристократка, умница, леди высокой пробы! Эдуарда можно понять! И все-таки... все-таки он сглупил.

– Он поступил так из-за любви, – тихо сказал Хаим.

– Да, представьте себе! Первый король в истории Великобритании, который сменял страну на женщину!

– Значит, он – настоящий мужчина.

Политически подкованный коммерсант отечески улыбнулся.

– Мой молодой друг! Вы, кажется, хорошо осведомлены о том, что такое любовь! И вы правы! Не зря, когда Эдуард совершал круиз по миру со своей фавориткой, народ повсюду встречал их воплями «Да здоровствует любовь!» – Он закатил глаза. – Ах, любовь, магнетическое чувство! Недавно я видел новую версию фильма «Дама с камелиями» с Гретой Гарбо. Какая трогательная история любви! Как бесподобно Гарбо играла куртизанку Готье! Я – поклонник ее таланта! Нордическая королева, таинственная шведка! Вот кто в моем вкусе... Кстати, она – любимая актриса фюрера.

Мистер Дженкинс порывисто развернул к Марии свой отяжелевший корпус:

– Знаете, мисс, а вы чем-то на нее похожи. Особенно когда смотрите так загадочно. Правда, цвет волос... Но рыжая Грета – это оригинально! Уверен: если бы она вас увидела, ей бы непременно захотелось перекраситься!

Мария поморщилась и предпочла оставить комплименты без перевода. Они, в конце концов, предназначались ей, а Хаим, наверное, без того обо всем догадался.

– У вас тоже шведские корни?

Она с досадой качнула головой, и мистер Дженкинс понял так, как ему хотелось:

– Конечно, шведка! Я сразу сообразил!

Голубые глазки, начавшие было соловеть под действием винных паров, ярко блеснули. Он с придыханием наклонился к соседке:

– Вы свободны?

– Что? – не поняла Мария.

– Если свободны, мы с вами могли бы прогуляться сегодня в одно чудное местечко... Уверяю, там не будет скучно, – промурлыкал он и быстро добавил: – Это тоже не надо переводить.

Хаим внезапно поднялся, отчего его визави вздрогнули, и выпалил на чистейшем английском:

– Мария, нам нужно идти, через полтора часа наш пароход отправляется в обратный путь!

³¹ Эдуард VIII (1894–1972) – король Великобритании с 20 января по 11 декабря 1936 г., добровольно отрекся от престола в пользу брата из-за намерения вступить в брак, противоречащий традиции династических браков, на что правящие круги страны не давали согласия. После отречения получил титул герцога Виндзорского.

Из неугомонных рук англичанина, ни минуты не лежавших спокойно, выпала салфетка. Наступила тишина. Щеки троих сотрапезников по разным причинам налились разными оттенками румянца.

Уязвленная жестоким разочарованием, Мария посмотрела на Хаима. Она вдруг обнаружила, что ничего не знает о человеке, которого вообразила другом. Теперь он казался ей совсем не тем, за кого себя выдавал.

Она достала из сумочки кошелек и положила деньги – все, что у нее было, на салфетку возле своей тарелки. Рейхсмарки ей больше не понадобятся. Пусть останутся на чаевые за этот первый и последний ужин в ресторане.

От второго шокирующего явления – купюры достоинством в четыре подобных ужина, мистер Дженкинс потерял дар речи.

– Э-э-э... Бе... Пр-р... – пробормотал он.

– Мария... прошу вас... – сдавленно пробормотал Хаим. – Я не хотел...

Она спокойно ответила:

– Мне безразлично, чего вы не хотели. Вы прекрасно знаете язык. Вы нас обманули. До причала я дойду сама, не смейте меня догонять.

Англичанин прокашлялся, словно поперхнулся, и в забывчивости промокнул потное лицо рукавом пиджака.

– Кто же вы, мистер Готлиб? Московский разведчик? – Голубые глазки почти трезво глянули на переводчицу. – Как ловко он нас провел, а?

– Да, весьма неприятная неожиданность, – она выбралась из-за стола.

Мистер Дженкинс стремительно освоился в новой ситуации. Он не отважился поцеловать даме ручку, но, пока Хаим метался в поисках кельнера, шепнул ей:

– Самые красивые на свете женщины – шведки... Вы и Грета, Грета и вы... Я согласен подписывать любые сделки с вами!

– Я не шведка.

– Кто же вы? – растерялся англичанин, успев запомнить, что пару минут назад тщетно задавал тот же вопрос, но другому человеку.

– Я – русская, – холодно обронила Мария.

К столу спешил кельнер.

– Данке шон, – кивнула она ему. Выходя, просквозила беглым взглядом по ресторану. Никого из посетителей, кроме Хаима и мистера Дженкинса, в нем уже не было. Хаим рассчитывался и что-то спрашивал у кельнера. Пьяный мистер Дженкинс, качаясь, стоял рядом с бессмысленным лицом. Последнее потрясение его добило.

Глава 10

Бедный богач

Пароход прогудел свое «до скорого», отвалил от пристани и разогнался, вошел в приказанный бег. Крики чаек поглотил шум моторов, позади остались светлые линии мелкопесчаных пляжей, любекская бухта и красивый город, потерявший свободу. Море, выдутое сумеречными ветрами из сине-черного непрозрачного стекла, распахнулось торжественно и беспредельно, как может распахнуться под небом только оно, море – незринутый космос, непостижимый ограниченному человеческому сознанию.

Стоя на баке³², Мария зябко поежилась. Порыв ветра распахнул плащ, обдал спину холодом, влажным моросом... На воде, на идущем корабле, вдруг выясняется, как много значат для человека ощущения. В мельчайших подробностях чувствуются палубная прохлада и машинный зной; ложное, прикинувшееся домашним тепло каюты и мучительная дурнота от вибрации судна...

Ну и пусть снова терзает морской недуг, пусть слабеют ноги, – они же ноги, а не чешуйчатые хвосты с плавниками, и умеют ступать по земле. Пусть смоем морская пытка липучие томления, выполощет их и выжмет! Для умерщвления глупой плоти лучше не выдумать...

В каюте Мария взяла в руки книгу – за все время путешествия она не продвинулась в чтении дальше абзаца, – раскрыла и попыталась сосредоточиться. Муравьиные строчки слепо побежали перед глазами, обижая автора безучастием читательницы. Отвергнутый до поры, роман лег под подушку.

Если сказать, что она была глубоко уязвлена, значит, сказать мало. Мария простить себе не могла предательства привычной жизни, еще в начале лета не обремененной соблазнами-перевертышами. Почему ей пригрезилось, что, обрядившись в яркий фантик, она сама изменится и придет к чему-то маняще радужному, искристому, как фейерверк? Ожгли искры, больно ранили, – обморочили кукушонка пух и нега не для него свитых гнезд. Когда, в какую беспечную минуту завладели ею чужеродные вещи, зрелища и комфорт?

Этот мужчина проскользнул в жизнь незаметно, вкрадчивым половодьем к лугу, – затопить, истрепать и схлынуть, оставив мусор и грязь... А она-то самоуверенно полагала, что ее нелегко обольстить! Оказалась ничем не лучше тех девушек с неживыми лицами, что смеялись в ожидании гибели у дома с разноцветными фонарями. Купилась на языковую приманку, на лукавые разговоры и пустоцветы неясных желаний, сама не зная, чего хочет и ждет!

Он поступил с нею хуже Железнодорожника из Вильно. Тот был хотя бы честен, прямо заявлял о своем желании, лез к телу, не в душу... Не притворялся другом!

Ее втянули в преступление. Сыграли на доверчивости так жестоко!.. Она получила незаконные деньги. Надо тотчас по приезде искать уроки, продать платье и сумку, работать с утра до вечера, чтобы к осени вернуть акционерному обществу жалованье, заплаченное ей ни за что...

Рассказать все отцу Алексею? Покаяться, – он поймет, одолжит, если заработанных денег неостанет. А как сообщить руководству фирмы, что Хаим знает язык и ее наняли напрасно? Что она скажет в конторе? «Простите, уважаемые, я обязана уведомить, что со мной, мистром Дженкинсом и с вами произошла неприятность. Нас всех подло обманул ваш сотрудник, поэтому я возвращаю свою зарплату за его ложь...»

Фу, какая глупость и гадость! Мария невольно засмеялась. Нет, лучше вернуть все до копейки ему. Вернуть и те деньги, что были потрачены на поездку и содержание никому не

³² Бак – носовая часть верхней палубы.

нужной переводчицы. Он, конечно, станет отказываться. И что тогда делать – припугнуть разоблачением? А как потом узнать, отдал ли он долг конторе?

Ложь опутывала и опутывала Марию тонкой паутиной.

Есть цена, есть меры длины, времени, веса, а чем измерить и оценить состояние души? Нет таких цен и мер... А Любек? Какая цена городу, который останется в ней навсегда, какая мера памяти о любекском небе в шпилях церквей, каналах и реках, летящей ввысь Мариенкирхе и музыке моря в храме Святого Якоба?..

Мария слышала, как ходит человек в соседней каюте, слышала даже звяканье ложки в стакане... Шаги прошелестели рядом с ее дверью, или почудилось? Должно быть, кок бежит в камбуз, решил проверить, все ли чашки сложены в кухонные рундуки, не разобьется ли что-нибудь, если начнется качка...

Кто-то робко постучал в дверь... Ну не повар же! У этого «кого-то» было имя, которое она очень надеялась когда-нибудь забыть.

– Мария, – донеслось из коридора, – я знаю, вы не спите. У вас свет горит.

Она не ответила.

– Я принес вашу сдачу из ресторана. И нам надо объясниться...

– Мне ничего не надо.

– Если вы не откроете, я буду стоять здесь до утра!

Вот и угрозы.

– Хоть до заговенья, – сказала она, стараясь говорить холодно и спокойно. – Мне все равно, где и сколько вы будете стоять, сидеть, ходить и заливаться соловьем.

– Вы хотите поставить меня к позорному столбу?..

– Я ничего не хочу.

– Ладно, я уйду, – вздохнул он, помедлив. – После того, как все расскажу вам.

– Все, что вы говорите, – ложь.

– Мария!.. Да, я знаю английский, и вы, очевидно, думаете, что я нарочно... Но я не нарочно! Я хотел, чтобы вы съездили... увидели мир... Я не мог придумать ничего лучше!

– Вы придумали для меня очень интересную прогулку, – согласилась она. – Не нарочно, а специально. Я благодарна вам за познавательные лекции. Обязана и за развлекательную политинформацию мистера Дженкинса... Деньги за поездку, вместе с теми, что были выплачены мне за так называемый перевод, я отдам осенью. Даже если бы вы действительно не знали английского языка, меня все равно возмущает столь крупная сумма за десять минут служебных переговоров. Я надеюсь, вы сами вернете мой незаслуженный заработок в контору и там объясните, в чем дело.

– Какие деньги! – простонал он хрипло. – Ну какие!

Она уже знала, что хриплым его голос становится, когда он взволнован. Хотя и это, может быть, трюк.

– Мария, общество «Продовольствие» грабит крестьян, наживается на труде заводских рабочих, вы не представляете, сколько денег оседает в карманах тех, кто не затрачивает на работу и десяти минут!.. У меня есть коммерческий нюх, наследственный, наверное. Мне известны такие секреты фирмы, что... Нет, я не о том говорю. Фирма перепродает товар, доставшийся ей за бесценок, весь мир бизнеса построен на колоссальной спекуляции. Не надо жалеть владельцев! Они вас и не поймут!

– Я не собираюсь уподобляться владельцам и наживаться на ком бы то ни было.

– Если это так для вас важно, я верну вашу сумму в контору из своей зарплаты.

– Хорошо. А осенью я верну деньги вам. Вы же достаточно богаты, чтобы подождать до осени?

– Я не богат, Мария. Я презираю роскошь так же, как нищету. Они – одинаковое зло. Поэтому я не богат... Но и не беден.

– Естественно. Вы не богаты и не бедны. Вы – равнодушны. Именно такие, как вы, обирают крестьян, зная, что в прошлом году был катастрофический неурожай по всей Литве. А потом крестьянские дети оказываются в приютах. Вы не знаете, какое оно – казенное обеспечение, не знаете, как безжалостно дети дерутся во время Рождества из-за кулька дешевых благотворительных конфет. – Она вдруг пришла в ярость. – И они вспоминают эти конфеты триста шестьдесят четыре дня до следующего праздника, если им еще посчастливится дожить до него!

Он замолчал.

– Нам больше не о чем говорить, – сказала она, понимая, что сильно его задела. Но между ними и впрямь не могло быть ничего общего. Он волен презирать богатых и бедных, потому что сам слегка бедный богач... она-то тут при чем?

– Мария! – позвал он. В голосе звучала обреченность.

– Что вам от меня нужно?!

– Мне от вас... нужны вы.

– Спокойной ночи, – сказала она утомленно.

Послышались странные звуки. Похоже, приглушенный стон и шуршание, как если бы кто-то сполз по двери вниз. Марию разобрала досада: да кончатся ли когда-нибудь эти фокусы!

– Простите, – прохрипел он новым срывающимся голосом. – Мне стало как-то... нехорошо... Не могли бы вы позвать доктора?

До нее доносилось тяжелое дыхание. Она подождала и засомневалась – игра или нет? Открыла дверь.

Хаим с закрытыми глазами лежал у стены. Тело скрючилось, лицо было зеленым, с прокушенной губы на подбородок стекала кровь...

Глава 11

Капля и море

Мария нашла судового врача в кают-компании. Выпуская клубы дыма, он сидел с боцманом за шахматной партией. На столе ершилась окурками бронзовая пепельница и лежала большая пачка папирос «Герцеговина Флор».

– На что жалуется? Когда это случилось? Почему не подошел раньше? – спрашивал доктор, размашисто шагая по коридору.

Мария еле поспевала за ним. Ни на один вопрос она не могла ответить.

Боцман побежал будить капитана, и вскоре возле лазарета собрался чуть ли не весь экипаж.

– Острый аппендицит, – сообщил врач после осмотра. – Вернуться в Любек мы не успеем, необходима срочная операция.

– Ну вот, док, ты все твердил – зря ежжу, зря ежжу, – проворчал капитан. – Значит, в Данциг мы не попадем, а ведь там уже готов груз!

– Забудь о Данциге! – махнул рукой доктор. – Ничего, груз с другим рейсом пойдет. Не дай бог, осложнение, если еще хорошо все кончится... – Обвел народ суровым взглядом: – Мне нужен ассистент.

– Я перевязывала больных в приюте, – тихо сказала Мария. Ни следа не осталось у нее от неприязни к Хаиму. В лазарете лежал человек, которому грозила смертельная опасность.

Врач распорядился:

– Две лампы сбоку... Юргис, мне нужно много кипяченой воды.

– Всегда бак кипятка держим на всякий случай, – доложил кок.

– Молодцы, – рассеянно отозвался доктор.

Мария завернулась в огромный халат, подвязала пояс ленточкой и убрала волосы под чистый колпак поваренка. Все было готово: хирургические инструменты в эмалированной кювете, бутылочка спирта, флаконы йода и эфира, еще какие-то пузырьки на стерильной салфетке.

Врач велел обработать спиртом руки и надеть марлевую повязку, когда Хаим открыл ввалившиеся глаза и остановил мутный взор на Марии.

– Только не вы, – простонал он сквозь зубы.

– В чем дело?! – сердито воскликнул доктор. – Вы, не вы! Теряем время!

– Прошу вас, – едва сумел проговорить больной.

Врач чуть помешкал и кликнул в дверь:

– Юргис, вы будете помогать!

– Я?... – растерялся повар.

– Да! – рявкнул доктор. – Некоторые тут, собираясь на свидание с костлявой, девиц стыдятся! – Невежливо подтолкнул Марию локтем: – Ну же, отдайте ему халат, – и закричал: – Идите отсюда все, не мешайте! Да молитесь, чтобы качка не началась!

Людей из коридора как ветром сдуло.

Мария вышла на палубу. Не могла сидеть и ждать в каюте. Ветер летал влажный, но легкий и не холодный. А пусть бы и холодный. Марии было жарко.

Остро пахло илом и морской солью. Вода посверкивала рядом с пароходом. Дальше все мыслимое и немыслимое пространство уходило в сплошную темень. Взгляд метался в черной бездне и ничего не видел. Но из бездны доносились голоса волн. Они тихо шумели и болтали на разных языках. Наверное, черное зеркало моря отражало забытые в глубине звуки далекого базара на Рыночной площади, где перед ратушей стоял Каак. Волны повторяли смех, крик и удары камней о тело человека. Свободный город признал его виновным.

«... я выхожу в высокую дверь, туда, где светло. Никто не заставит меня согнуться и выйти в низкую. Почему я должен сгибаться, если ни в чем не виноват?»

Волны толкались, как люди в толпе, и призрачные локти, вырываясь вверх, взблескивали на миг. Море пело древнюю песнь. Оно пело, когда Любека еще не было, и будет петь, когда его не станет. Что ему до маленького города. А тем более – до человека.

Мария думала о море, чтобы отвлечь себя от мыслей о Хаиме, но эти мысли не отступали.

Смешно примерять человеческое бытие к морю – существу великому и бесконечно разумному, бегущему вперед, вспять и вдаль. Маленькие люди живут суетно и мелко, в земном воздухе, пропахшем парами и дымом. У людей нет плавников и жабр, у них нет даже крыльев, они мало дышат небом...

Мария читала одну молитву за другой, стояла, ходила, запутывалась в словах и принималась читать снова. Минуты утратили счет, будто часы остановились и канули в безвременье. Вечность назад она была в Любеке. Жизнь назад разговаривала с Хаимом через дверь и забрасывала его камнями тяжелых мыслей. Час назад отсчитала последний миг... Между молитвами она разговаривала с морем:

– Почему ты соленое? Ты – слезы? Так много земля наплакала? Не качайся! На твоей большой спине маленький доктор сражается за каплю человеческой жизни. Тихо-тихо... Пианиссимо... Ш-ш-штиль...

Она не знала, сколько времени прошло. Час, жизнь, вечность? А вдруг, пока она тут молится и философствует, Хаим уже... Мертвящим холодом окатило грудь. Мария рванулась туда, где шла операция, но столкнулась с доктором, поднимавшимся на палубу.

– Спокойнее, что вы кричите? Все хорошо. Пока хорошо, тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, – он сплюнул через левое плечо. – Пациент спит. Удивительный, надо сказать, пациент. С утра чувствовал себя плохо, но терпел. Зачем было геройствовать? В Любеке его бы поместили в лучшую больницу, а тут всякую минуту опасайся осложнений...

Доктор повернулся спиной к ветру, закурил и удалился к корме. Ему, видно, хотелось побыть одному.

Мария без сил опустилась на скамейку. Придерживаясь за переборки, на палубу вышел Юргис с папиросой в зубах и сказал сам себе:

– Если ты не можешь стоять на ногах без помощи рук – ты не моряк.

– Как он? – спросила она.

– Раз док сказал – будет жить, значит, будет, – улыбнулся повар. – Посижу с вами, покурю, можно? Я давно бросил вообще-то, но после такого да не закурить? Ноги, вон, не держат, будто сам операцию перенес.

У Юргиса и руки дрожали. Спички ломались, тщетно чиркая о коробок.

– Дайте-ка я, – Мария зажгла спичку.

– Спасибо. – Он лихорадочно затанулся.

После пережитого напряжения люди ведут себя по-разному, и если доктор пожелал уединиться, то на повара нашла словоохотливость.

– Крови-то я не боюсь, но было очень страшно, когда он ему живот располосовал. Все ж таки не куриная жизнь, человечья... Такая, оказывается, хрупкая. Док эту штуковину выбросил...

– Какую штуковину? – испугалась Мария.

Кок посмотрел непонимающе:

– Ну, аппендикс этот, потом мы с ним дыру зашивали. Я, значит, кожу подтягивал кромка к кромке, а док накладывал швы.

Он в восторге крутил головой и с изумлением рассматривал свои толстые, как сосиски, пальцы, словно не верил в выполненную ими деликатную работу. Мария тоже плохо представляла эти пальцы в хирургическом эксперименте... Хотя! Вспомнился «мастер-класс» в кам-

бузе, когда могучая десница с ювелирной точностью орудовала огромным ножом. А у доктора, при всем его внушительном росте, руки были небольшие и очень белые, только безымянный на правой с желтоватым пятном от папирос... На корме, где он стоял, красными зарницами летели в воду окурки.

– Пойду я, – сказал кок. – Ребята ждут. Пиво там еще осталось. Выдали нам пиво нынче на такое дело.

Ребятам он, конечно, расскажет о своем дебюте медбрата с более натуралистическими подробностями. Мария подошла к борту. Одна мысль вертелась в голове, не давая покоя. Вернее, не мысль, а смешная, корявая фраза.

«Мне от вас нужны вы».

Фраза пролетела мимо той, кому была предназначена, но вот вернулась и доняла, допекла. В груди поплыло мягкое живое тепло. Она почувствовала страшную слабость. Ноги подогнулись от усталости, как у Юргиса. Стояла, облокотившись о перила, свесив голову над бортом, и ругала себя. Что-то странное происходило с нею, что-то такое, чему она не знала названия и что заставляло ее плакать. Мария отчаянно твердила себе: порядочная девушка не должна подпадать под влияние едва знакомого человека, не должна жалеть его, что бы ему ни грозило – он ей никто; стыдно и опасно доверять человеку, пойманному на лжи и преступлении в самом начале дружбы, такой, казалось бы, настоящей; этот человек способен обмануть снова, и следующий обман будет ужаснее первого...

Она ругала себя, а сама все плакала и плакала от счастья в море.

Глава 12

Двое из диптиха

Небольшое двухэтажное здание, в котором жил Хаим, стояло в спокойном, заросшем буйной зеленью переулке за две улицы от православного дома. Владелица, богатая, славная и престарелая фрау Клейнерц, занимала первый этаж. Там же она держала кухню-столовую для жильцов и соседей, с общим телефоном и правом звонить, но не принимать звонки.

Квартира Хаима располагалась на втором этаже, имела изустное название «Счастливый сад», и до него туда вселялись только юные семьи, очень счастливые, по словам фрау Клейнерц. Не желая нарушать традицию, она не хотела сдавать заветную квартиру одинокому молодому человеку и колебалась вначале. Но чем-то он ее пленил, старушка согласилась и не пожалела: жилец оказался покладистый, без дурных привычек и, несмотря на веселый нрав, никого не водил к себе.

Хозяйка обставила комнаты в соответствии с собственными понятиями о красоте. Все в кремово-бежевых тонах: стены в гостиной, плюшевые шторы с бахромой, ломберный столик, обивка дивана и кресел с витыми золочеными подлокотниками. Идиллические картины в духе немецкой пасторали соседствовали с коллекцией фарфоровых безделушек, выставленной в резной горке. В кухне старинный стол с мраморной столешницей и черно-белый шахматный пол мирно сочетались с современной газовой плитой, кабинет выходил на ажурный балкончик с креслом-качалкой, розовая спальня имела вид разукрашенного свадебного торта, и всюду стояли расписные горшки с кустами роз. Все это великолепие, очевидно, полностью отвечало представлениям хозяйки об уютном семейном гнездышке.

Впервые войдя сюда, Хаим слегка оторопел. Потом перестал обращать внимание и терпелся, уважая простодушие домовладелицы, которая рано овдовела, долго мечтала снова выйти замуж, но почему-то так и осталась одна.

После того, что случилось с Хаимом в поездке, фрау Клейнерц прониклась к нему горячим состраданием. Это было так романтично – хирургическая операция на судне, под грозный плеск волн за бортом! Местные газеты опубликовали заметки о подвиге судового врача.

С позволения хозяйки Хаим позвонил отцу. Старый Ицхак волновался: кто-то успел уведомить его о случившемся. Сын поторопился успокоить, попросил скрыть обстоятельства, чтобы не тревожить матушку Гене.

Жизнь в Каунасе у семейства почти наладилась. Отец привел в рабочее состояние сложное хозяйство компании с учетом новых условий, упорядочил дела с раскиданными в разных местах мелкими предприятиями, долгосрочными и не терпящими отлагательства ценными бумагами. Какие-то вновь возникшие излишки Готлибы перевели в банк, открыли магазин, строили завод и к зиме собирались его запустить... Хаим подумал, что старый Ицхак все-таки очень богат. Гораздо богаче, чем об этом известно вечно судачащим о нем знакомым. Наверняка достаточно для безбедного существования семьи на десяток лет вперед...

По утрам, вернувшись с перевязочного пункта, Хаим пил кофе с фрау Клейнерц в ее маленькой столовой. Старушка сетовала на рост цен, трудности с получением ренты, бесконечно рассказывала о муже, отнятом у нее судьбой слишком рано, о сыне, почти таком же пожилым, как она сама, давным-давно уехавшем с семьей в Потсдам. С удовольствием сплетничала о соседях и бывших жильцах...

Чтобы подготовить хозяйку к появлению в доме Марии, Хаим при случае «обмолвился», что его невеста походит на Грету Гарбо.

– У вас есть невеста! – воскликнула фрау Клейнерц. Круглое морщинистое лицо ее засветилось живым любопытством, и Хаим, краснея, признался:

– Правда, она еще не знает, что стала моей невестой.

Хозяйка была счастлива услышать краткое повествование о совсем недавно завязавшемся романе и сочла своим долгом наставить «жениха»:

– Цветы, герр Готлиб, все мы, женщины, любим цветы и конфеты! Путь к сердцу своей будущей супруги вы должны устлать розами и шоколадом! О, когда мой Йозеф, красивый, галантный, с прелестным букетом и коробкой конфет «Неаполь» в руках, приближался ко мне...

Хаим улыбался и кивал впечатлительной старушке, взбудораженной приятными воспоминаниями. Он обрел в ней хорошую союзницу. А она, близко к сердцу приняв перемены в жизни квартиранта, открыто радовалась, что в «Счастливом саду» к осени защебечет голубка. Хаим тоже на это надеялся.

Мария с ним помирилась. Он был признателен судьбе, своевременно пославшей ему недуг. Девушка простила обманщика благодаря его болезни, но настояла на отдаче долга корпорации. Тут тоже повезло выкрутиться: Хаим позвонил на работу и попросил привезти на дом документы, требующие перевода, – до них все не доходили руки. С Марией он договорился, что она переведет их бесплатно. Таким образом ее щепетильность будет удовлетворена, а ему не придется ни в чем признаваться (чего он и не собирался делать). По контрактам, подписанным с мистером Дженкинсом, будут работать уже другие люди. Вряд ли незначительный (как полагал Хаим) инцидент нанес душе англичанина столь тяжкую травму, чтобы он озаботился его оглаской...

Все складывалось на редкость удачно, словно высшие силы исполняли обязательство соединить двоих, с неведомых пор предназначенных друг другу в небесных пометках. Преходящая нетрудоспособность подарила Хаиму нечаянный отпуск, а Марии – возможность удостовериться в дружбе с ним и духовном родстве. Встречались они, тем не менее, не так часто и длительно, как ему бы хотелось.

Заинтригованная замечанием жильца о схожести его девушки с Гретой Гарбо, фрау Клейнерц сходила в кинотеатр на премьеру «Дамы с камелиями». Нашумевший в позапрошлом году фильм наконец-то привезли в Клайпеду. С историей любви, описанной Дюма-сыном, старушка была знакома, но фильм произвел на нее оглушительное впечатление. Она изъявила желание «хоть одним глазком» взглянуть на невесту Хаима, что подтолкнуло его пригласить Марию к себе.

– К вам домой? – смутилась она. – Я не могу, это неприлично...

– Но ведь было прилично, когда я подолгу беседовал с вами в вашей каюте. Нет ничего предосудительного и в том, что вы придете ко мне на квартиру.

– На корабле все выглядело по-другому. А тут люди начнут говорить плохое.

– Что именно? – поддразнивая, прикинулся непонимающим Хаим. Он знал, что Мария относится к их отношениям как к дружбе. Необходимость в скорейшей перемене этого наивного убеждения день ото дня мучила его все сильнее.

– Они скажут, будто я... я ваша... любовница, – последнее слово далось ей с трудом.

– Глупости! К тому же вам просто придется прийти ко мне за документами на перевод, я же теперь не могу носить тяжелые вещи, а там довольно много бумаг. (Их вес на самом деле не превышал трети килограмма.) Хотя и переводить надо бы у меня и со мной. Во-первых, условия лучше, во-вторых, я виноват перед вами и должен взять на себя, по крайней мере, половину труда.

Она с некоторой натяжкой согласилась в справедливости аргумента.

– Ладно, но только пока вы болеете.

Хаим в веселом отчаянии подумал, что, когда операционные швы заживут, а ему все еще не удастся сделать «Счастливый сад» подлинным Эдемом, он сломает ногу.

...Гостя с алыми от волнения щеками ступила на коридорную лестницу, и фрау Клейнерц, такая же взволнованная и румяная, заговорщицки подмигнула Хаиму из приоткрытой двери столовой.

Он стеснялся розово-кремового, мечтательно-фарфорового убранства квартиры. Мария почувствовала его неловкость и улыбнулась. Они разгадали мысли друг друга, обменявшись единственным, все понимающим взглядом.

Девушка с увлечением взялась за перевод. А он не мог. Сознание того, что она находится у него дома, с ним наедине, сковывало его, опьяняло и рассеивало внимание. Ему хотелось смотреть на нее, безмолвно любоваться, наблюдая изящный наклон шеи, поворот головы, характерный жест, когда она поправляет выпавший локон, – все исполненные плавной грации движения. В этой плавности, незаметной, естественной и совсем не медлительной, пряталась притягательная женственность Марии. Она облакачивалась на руку, и солнце просвечивало сквозь тонкую кисть. Он невпопад отвечал на вопросы, бездумно следя за лучом, вспыхивающим в завитках рыжих волос. Забранные в пучок атласной лентой, эти кудрявые пряди казались ему букетом осенних листьев дикого винограда, крупных, медно-красных, цвета граната с апельсиновым оттенком, если так бывает, закрученных на концах мягкими кольцами... Он умирал от желания зарыться в них лицом, привязать себя к ним, навертев на запястья и пальцы, притянуть ее к себе...

Чтобы не отпугнуть девушку, Хаим сказался больным. Прилег на диван, отдыхая от смятенного созерцания, и закрыл глаза. Недомогание впрямь разобрало его из-за боязни неосторожным словом, тоном, взглядом испортить бережно возвращенные узы, хрупкие покуда, как крылья стрекоз. Все еще не верилось в то, что она здесь, не воображаемая, – реальная, о чем напоминал тонкий скрип пера и шелест страниц...

Мышцы расслабились, Хаим начал отдаваться забытию, и кремовая комната поплыла в открытую ночь. Настоящую Марию сменило привычное видение... он уснул.

Казалось, дремал несколько минут, а когда открыл глаза, из окон на него с упреком уставилась включенная в сумраке луна. Девушки в комнате уже не было. Ветер из распахнутой форточки раскидал бумажные листы по всему столу...

– Мария! – крикнул Хаим, разом осиротевший и потерянный. Торопливо вскочил, проклиная свою слабость, и согнулся – потянуло швы.

Он готов был рвать на себе волосы, посыпать голову пеплом, трещать пальцами, заламывать руки, пинать вещи, попавшиеся под руку... под ногу? Что еще делает в амурных романах мужчина, который с огромным трудом завлек любимую женщину к себе домой и глупо проспал самые стратегические часы?!

Проковыляв в кухню, он скорбно оглядел тщательно вычищенную зубным порошком турку и не востребовавшее угощение, скушающее на мраморной столешнице: хороший кофе, свежие сливки в красивом молочнике, шоколадные конфеты «Неаполь» в нарядной коробке, вопреки войнам и кризисам неизменные в лучшем магазине Старого города со времен молодости покойного мужа фрау Клейнерц...

В дверь деликатно постучали. Хаим бросился в прихожую, с грохотом свалив по пути стул, на бегу причесывая пальцами взлохмаченные волосы.

– Простите, это я, – сочувственно улыбнулась хозяйка, отлично понимая его смятение. – Ваша девушка спешила, а вы, по ее словам, так сладко спали, жаль стало будить.

– Да, я все проспал, – убито сказал Хаим и, неспособный соблюдать приличия, не в силах стоять, сел в прихожей.

– Она передала, что завтра придет пораньше.

– Правда?!

– Придет, – подтвердила, продолжая улыбаться, фрау Клейнерц. – Фрейлейн Мария такая милая. И правда есть что-то общее с Гарбо, но если стереть с лица актрисы всю краску, не

останется никакого сходства. Красота вашей девушки натуральна. Она напоминает мне другого человека, не Грету. Потом скажу кого... Я уговорила ее не торопиться. Мы с ней попили кофе у меня в столовой.

– Спасибо вам, – пробормотал он.

– Герр Хаим, я так рада за вас!

Он невесело усмехнулся:

– Я за себя – тоже.

Хозяйка искренне умилилась, явно отождествляя себя с садовником, с чьей щедрой помощью Хаим веточка за веточкой растил свое хрупкое счастье.

– Она сказала, что довольна работой. Ей сегодня много удалось сделать.

Удивительный народ – женщины, быстро же они находят общий язык!

– Что она еще говорила?

– Рассказывала о вашей поездке в Любек, о том, как волновалась, когда шла операция.

– Волновалась?..

– Очень... Она любит вас, герр Хаим.

Он едва не задохнулся.

– Мария... сама так сказала?!

– Да, – серьезно кивнула фрау Клейнерц. – Глазами. Я прочитала это в ее чудесных синих глазах. Но сама она не знает об этом.

– Вот как...

Захотелось сесть. Хаим еле сообразил, что он уже сидит на стуле, прислонившись к стене, сидит с самого начала разговора с хозяйкой. Он больше не мог ни о чем спрашивать.

Старушка окатила его чистой голубоватой водицей выцветших глаз:

– Пойдемте, я что-то вам покажу.

Они спустились по лестнице. Хаим впервые вошел в дверь жилой части первого этажа. Хозяйка провела его в гостиную.

От стеклянной чашечки на круглом журнальном столике шел тонкий дымок и доносился аромат жженной китайской травы. Меблировка здесь, как ни странно, была скромнее и строже, чем в «Счастливом саду». Небольшие люстры под потолком с хрустальными подвесками, стены просто побелены, плетеные венские кресла, шторы зеленого шелка с узким, чуть светлее тоном, машинным кружевом по кайме, и папоротниковые заросли на подоконниках...

– Смотрите сюда.

С видом фокусника, собравшегося вынуть кролика из цилиндра, фрау Клейнерц указала на две соединенные в один сюжет картины.

Обнаженные тела юноши и девушки, написанные почти в натуралистической манере, золотисто светились. Дюрер, вспомнил Хаим, копия с диптиха «Адам и Ева». Выступив из темного фона, как из первобытной древесной коры, прародители человечества словно освещали стену, дымящийся душистой травой лаковый столик внизу и восторженное личико фрау Клейнерц.

– Они в самом начале любви, – ее голос напряженно дрогнул. – Видите, стоят отдельно. Между ними черта, но она вот-вот будет нарушена. Остался шаг, всего шаг – чтобы слиться в одно целое... Яблоки уже у них в руках... Вы чувствуете, какой чистый ток любви идет от этих людей?.. Я купила картину в Потсдаме. Дороговато, но я была очарована ими. Они – совершенство... Разве вы ничего не замечаете?

– Нет, отчего же, – Хаим прокашлялся. – Они прекрасны.

– Вас выдает голос, герр Хаим, – засмеялась фрау Клейнерц. – Вы волнуетесь, и на шее у вас начинает немножко дергаться кадык. Адамово яблоко... Адам тоже волновался, когда откусил свою половину яблока. Оно чуть не встало у него поперек горла. Но не думаю, что он

пожалел. Любовь чиста, как бы дурно о ней ни говорили, грязь к ней не прилипает. Я права, герр Хаим?

– Да.

Она глубоко и печально вздохнула.

– Мой бедный Йозеф... Он умер, и стало ясно – я никогда его не любила. Позже стало ясно и другое: Бог не дал мне встретить моего мужчину. Адам, которому была предназначена маленькая Ева по имени Лизхен Геллер, состарился где-то, как я. А может, его уже нет на свете, и я осталась вечной вдовой возлюбленного человека, которого никогда не знала. Геллер – моя девичья фамилия, герр Хаим... Увы, так на земле случается с каждым. Почти с каждым, за редким исключением. Слишком большая земля... Простите мою сегодняшнюю откровенность. Я – старая женщина, и мне уже не стыдно сказать то, что чувствует сердце. Я вовсе неспроста спросила вас: неужели вы ничего не замечаете в картине? Ну же, герр Хаим! Здесь такое сходство... Недостает только жизни.

– О каком сходстве вы... – Он вдруг понял, о чем она говорит.

– Да, да! Наконец-то и вы увидели! И еще раз простите, что я посмела примерить вас с Марией к наготы Адама и Евы! Их фигуры будто списаны с вас двоих... И лица – лица тоже похожи. Я долго смотрела, но так и не смогла уловить, в чем тут подобие. Выражение, невысказанность, божественный знак?.. Ах, герр Хаим! Фрейлейн Мария призналась мне, что осенью навсегда уедет из Клайпеды, но так не хочет ехать! У вас мало времени, милый Адам, торопитесь! Она уже держит яблоко, ваша Ева... Не дайте ей бросить плод, не надкусив.

Глава 13

Созревание плодов

Хаим вел сложную партию неизвестной игры, пытаясь удлинить время, а события ускорить. Он собрал чувственность в кулак и до поры до времени подавил преждевременное мужское желание.

Мария приходила каждый день. Через неделю все, что нужно, было благополучно переведено и отправлено на службу, где филантропический подвиг сотрудника оценили адекватно затраченным усилиям. Хаим получил неплохой гонорар и, поразмыслив, без особого зазрения совести решил до некоторых пор не открывать девушке эту маленькую тайну, чтобы их обоюдная «вина» перед фирмой не превратилась в снежный ком.

Они незаметно перешли на «ты», Хаим учился русскому языку и значительно преуспел. Читали стихи русских авторов, беседовали и спорили о книгах, о политике, обо всем, избегая лишь разговоров о чувствах. Обедали, а иногда и ужинали вместе. Она приносила брикеты вкуснейшего домашнего сыра – знакомые хуторские прихожане держали коров; он покупал лакомства и заморские фрукты. Домой провожал, когда на улицах загорались фонари...

Бег безжалостных часов будто переставал существовать, пока девушка была рядом, а едва Хаим оставался в одиночестве, невосполнимые часы жужжали в голове, как тонкий зуммер: еще час, еще и еще... До ее нового прихода он впадал в меланхолию. Счастье, радость, грусть, депрессия сменяли друг друга, и объединяло их одно имя – Мария.

Вскоре, к своей досаде, окрепнув, он продолжал делать вид, что ему по-прежнему нездоровится, но она почувствовала симуляцию, и пришлось согласиться с прекращением визитов. Они полюбили прогуливаться по набережной Дане, стали часто вместе бывать на православном кладбище.

Хаим не представлял, что все может кончиться, и в то же время постоянно, с нарастающей тяжестью на сердце, думал о разлуке. Между ними, как в картине Дюрера, проходила линия разрыва. Жизнь должна была или развести половинки их диптиха в разные стороны, или слить в единый шедевр, но романтизм Хаима и противостояние Марии мешали им сделать тот последний шаг, о котором говорила лукавая фрау Клейнерц, возведшая сводничество в добродетель.

Хозяйка больше не заговаривала с Хаимом на личные темы, однако следила за развитием нерешительного романа с разгорающимся интересом. Острое нетерпение и неожиданно открывшиеся в ней способности свахи не давали ей покоя, и скоро пылкая старушка так извелась, что приблизилась к роли библейского змия. Искушение взять и самой рассказать девушке о любви Хаима было слишком велико, но фрау Клейнерц старалась ему не поддаваться. Она полагала, что старость приходит в тот момент, когда человек теряет надежду на любовь, а смерть – когда само слово «любовь» оставляет его равнодушным. Поэтому фрау Клейнерц страстно желала быть причастной к созреванию плодов соблазна в чужих садах. Теперь уже она, увидев Марию, принималась заманивать ее «на чашечку кофе», и Хаим всерьез опасался, что хозяйка своим темпераментным вмешательством в их зыбкие отношения испортит ему игру. Он видел, как медленно, несмело просыпается в Марии ответное чувство, но девушка упорно верила в дружбу, и неосторожные намеки фрау Клейнерц могли ее испугать.

Заглядывая себе в душу, Мария радостно убеждалась, что теперь от обиды на Хаима не осталось и следа. Исподволь начала удивлять собственная черствость: желая помочь ей, человек просто не подумал о последствиях, она же поспешила обвинить его в преступлении.

Где-то далеко-далеко обитали мужчины, соблазняющие неопытных девушек. Где-то в другом мире затаился и ждал страшный Железнодорожник, должно быть, уже разведшийся с женой...

Хаим был другим. Нельзя сказать, что Мария не замечала его восхищения и любви, – она тоже любила Хаима. Разве друзей не любят?.. Впервые ее не тяготила дружба с мужчиной, льстило его внимание, и, ловя себя порой на неосознанном кокетстве, она огорчалась и недоумевала.

Мария научилась угадывать его настроение по прищуренным глазам, усмешке, хрипотце в голосе. Ей нравилось, что Хаим порой не прочь поозорничать, как мальчишка, а иногда, ироничный или философски невозмутимый, он казался человеком, умудренным годами и опытом. Он нравился Марии, такой разный – сдержанный, бесшабашный, веселый, обманчиво тихий, а главное – бесконечно нежный и бережный с нею. Нравился, как никто и никогда из друзей. Хаим становился ей необходимым.

Она с ужасом отгоняла мысли о возвращении в Польшу, но признательность и долг заставляли ее вспоминать о негласном обязательстве все чаще и чаще. Быстротечные мгновения лета кружились белыми мотыльками и падали на траву туманными росами, облетали лепестками цветов на маминой могиле...

И пришел день, когда Мария сказала Хаиму:

– Приехал отец Алексей. Через неделю он увезет меня в Вильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.